

Аудиозапись семинара

«Политические аспекты изучения деятельности коренных народов России»

18 апреля 2008 года в Институте Наследия, Москва

Заместитель Директора Института Наследия **П.М.Шульгин:**

Дорогие друзья и коллеги!

Любому событию, в том числе и научному, предшествует какое-то ожидание, но позвольте мне сейчас открыть наш семинар в такой лекционной обстановке. Я хотел бы поприветствовать от имени Института, в котором мы собрались, участников семинара «Политические аспекты изучения деятельности коренных народов России». Этот семинар мы проводим совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. На дискуссии после обеда мы ожидаем, что у нас будет и президент Ассоциации господин Харючи. В качестве основного доклада семинара нами была выбрана лекция уважаемого Сергея Александровича Арутюнова, члена-корреспондента Российской академии наук «Проблемы национальной политики в России». Я думаю, что это одна из основных наших проблем на протяжении существования российского государства, и в политике и в экономике, и в культуре. И я очень рад приветствовать вас здесь в здании Института – Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Эта тема – проблемы малочисленных народов нашей страны, сохранение территорий проживания, территорий традиционного природопользования всегда стояла в центре нашего внимания со времени основания института. Работы по ней были еще до образования института, в Советском Фонде культуры, откуда наш институт и носит имя Д.С.Лихачева, потому что он основал наш институт, и в Фонде культуры, который он тогда возглавлял, он сосредотачивался на проблемах вепсской культуры, языка, сохранении их традиционного образа жизни и культуры. Были предприняты первые экспедиции на Русский Север, Урал, и эта тема существовала с первых научных работ института. В принципах, заложенных в момент основания института, была идея работы не только с объектами культурного наследия, будь то памятники археологии, истории, архитектуры, а подход к наследию в целом, поэтому вопросы сохранения исторических технологий, культуры, знаний, среды обитания, они всегда были в научных работах института, в темах его сотрудничества.

Природное и культурное наследие – это второй краеугольный принцип развития института. Начиная, может быть, опять с работ Д.С.Лихачева об искусстве садов, об изучении усадеб, изучения малых городов, тема единства природного и культурного наследия проходила красной нитью через все работы. Но пожалуй, наибольшее развитие она получила в рекомендациях развития территорий различного типа, будь то музеи-заповедники, исторические территории и национальные парки.

Выделение территорий – это третий принцип научной деятельности. Да, наследие может быть сохранено и в музее, и в виде отдельно стоящего памятника, но наиболее действенный путь к сохранению наследия – это сохранение территорий. Мы работаем и с историко-культурными территориями, и с особо охраняемыми территориями, ставим вопросы изменения законодательства и внедрения в него и территорий традиционного природопользования и историко-культурных территорий, включая разного типа – исторические города и археологические ландшафты, этно-экологические территории и так далее.

И еще очень важный принцип деятельности нашего Института – это то, что наследие является важной частью современного процесса развития любого региона. В связи с этим институт выполняет много региональных программ. Работает не только по теоретическим

аспектам, типам выделения историко-культурных территорий, но и конкретно и с главными органами управления, администрациями областей, краев, республик, административных единиц в составе РФ. Здесь работы по созданию ряда заповедных территорий, созданию национальных парков (Кенозерский, Переславль-Залесский, Плещеево озеро, Водлозерский парк, Угра) – они прошли через наш институт в полной мере. Много работ по созданию музеев-заповедников – Куликово поле, Бородинское поле, музей-заповедник Шолохова, который фактически является не музеем-усадебой, а большой охраняемой территорией, это и работы по регионам Севера – экспедиция на Соловецкие острова, на остров Вайгач, территории Русского Севера, работы с Ханты-Мансийским и Ненецким национальными округами, с Чукотским автономным округом. Все эти предложения по северным территориям они связаны во многом с территориями традиционного природопользования и территориями проживания малочисленных народов. Это работы начала 90-х годов по созданию природного парка «Берингия», создание природного парка «Пунси» в Ханты-Мансийском округе на территории проживания салымских хантов, это такие интересные работы, как заказник или парк на территории проживания сибирских татар в Тобольском районе.

Ну, и конечно, как научно-исследовательский институт, наши предложения содержатся и в научных работах, и я бы хотел вам показать несколько книг и монографий. Вот «Культурный ландшафт как объект наследия», коллективная монография, в которой собраны самые последние фундаментальные исследования по концепции культурного ландшафта, здесь присутствуют и этнографические ландшафты, связанные с территориями проживания малочисленных народов. Говоря об этнографическом ландшафте, Институт выступил в рамках проводимой Смитсоновским институтом работы по северным этнографическим ландшафтам, где представлены северные страны – Дания, Норвегия, США, Россия, которые дали свое видение этнографических ландшафтов. Эта великолепная монография и ряд других работ совместно с Смитсоновским институтом США – выставка «Аляска и Чукотка – перекресток континентов», в которой наш институт принимал участие. Проводятся работы и по конкретным проблемам малочисленных народов. Сегодня будет представлена позже по программе, и я рад показать здесь книгу, в которой принимали участие и сотрудники нашего института. «Основы морского зверобойного промысла» - это пособие для чукотских охотников и одна из очень дельных книг. Давно я не встречал таких детальных и, в то же время, фундаментальных публикаций по традиционному природопользованию. Готовится работа по саами и вот сегодня я получил верстку книги «Мусульманство в истории народов России. Мусульманская составляющая российской цивилизации». В моем вступительном слове я хотел бы поприветствовать вас и сказать, что работы по этой теме ведутся, мы всегда рады контактам со специалистами и готовы оказать необходимую научную помощь и сами поучиться в регионах у других специалистов. Вот такое вступление.

Благодарю вас за внимание! Сейчас я приглашаю вас сосредоточить внимание на основной лекции нашего семинара. Пожалуйста, Сергей Александрович Арутюнов – «Проблемы национальной политики в России».

С.А.Арутюнов:

Уважаемые коллеги,

Я не буду касаться терминологических вопросов, что такое, скажем, «коренной народ» России или деятельность коренного народа России, является ли нашей задачей изучение политических аспектов этой деятельности или, наоборот, изучение деятельности политиков в отношении этих народов. Если рассуждать терминологически, «коренным народом России», прежде всего, является русский народ. Но мы понимаем условность нашей терминологии и об этом в этой аудитории много говорить не нужно.

Национальная политика – это, прежде всего, политика для России, впрочем, и для большинства других многонациональных стран - политика выстраивания отношений между основной государствообразующей нацией, составляющей большинство и различного рода меньшинствами. В России это еще подчеркивается тем, что все меньшинства можно определить как «неславянские» народы России. К коренным народам нельзя относить, скажем, достаточно многочисленных в России китайцев, вьетнамцев, афганцев, но в то же время, украинцы и белорусы, несмотря на всяческие паспортные придирки к украинским гастарбайтерам, которые имеют не национальную подоплеку, а чисто бюрократическую и административную, это восточно-славянские народы, которые могут рассматриваться и реально являются в России единым массивом. Мало найдется в России украинцев и белорусов, которые настаивали бы на выделении себя и отделении от русских.

На национальные проблемы возможны три основные точки зрения: это – официоз, на нем останавливаться особо не нужно, официоз есть официоз, это значит, что все так замечательно и так хорошо, что лучше и быть не может, но в ближайшем будущем все будет еще гораздо лучше, и - оппозиция. Вот оппозиция существенна: оппозиция необходима для решения национальных проблем, и повсюду в мире национальные проблемы являются одними из важных, если не основных, направлений деятельности оппозиции. Опять-таки, оппозиция бывает двойкая: конструктивная и деструктивная. При понимании положительной роли при привлечении к каким-то проблемам, но оппозицию «Другой России», сосредоточенную под знаменами странного союза Каспарова, Касьянова и Лимонова, я могу все-таки определить как деструктивную. Конструктивная оппозиция у нас не выражена организационно, (про КППРФ я не говорю, оставим ее за скобками), но и так называемые демократические партии (СПС или Яблоко) свою конструктивность выражают в словесной форме, а не в реальной деятельности.

Однако, в России имеется огромная интеллигенция – интеллигента я определяют как человека умственного труда и нон-конформистской гражданской ориентации. Скажем, Константин Петрович Победоносцев и мой прапрадедушка, который был его правой рукой по Святейшему Синоду, были одними из образованнейших людей своего времени, но никому в голову не могло, конечно, прийти назвать их «интеллигентами». Да и сами они оскорбились бы, если бы их так назвали. Таким образом, интеллигенция, и творческая интеллигенция в особенности, не может не быть в той или иной мере оппозиционной. Но она должна быть, и это является свойством настоящего интеллигента, конструктивной. Разница, казалось бы, невелика. Я бы сказал, что между конструктивной и деструктивной оппозицией 98 % общих черт и 2% различия. Ну, конечно, измерить такие вещи невозможно, приборов таких нет, но мы это сделаем по биологической аналогии. Дело в том, что 98% - это уровень генно-молекулярной идентичности Человека разумного, то есть *Homo sapiens*, и бонобо *Pan paniscus*, то есть карликового шимпанзе. Вот все, что нас отличает от шимпанзе, точнее от вида бонобо (там два вида *Pan troglodytes* – это обычный шимпанзе и *Pan paniscus*, самые близкие к нам виды), сосредоточено в этих 2%. Но именно эти 2% генов и делают из нас людей в отличие от шимпанзе. Мне представляется, что 2 % различий между деструктивными взглядами и конструктивной оппозицией и составляют то сопоставимое различие между видом *Homo sapiens* и видом *Pan paniscus*.

Теперь, что касается уже национальной политики. Не сочтите за ёрничанье, если я продолжу мои приматологические метафоры. В данном случае я обращусь к такому виду как ужасный снежный человек - *Abominable Snowman* или йети. Об этом примате очень много говорят, еще больше пишут, о нем сняты фильмы, в разных местах хранятся и предьявляются различные материальные свидетельства его проявлений, типа следов, кусков шкуры и т.д., при всем при том скорее всего 99, 9% вероятности того, что снежный человек не существует. То же самое можно, наверное, сказать и о российской национальной политике. О ней много пишется, много говорится, и тем не менее, весьма

высока вероятность того, что в природе она не существует. Несмотря на это, отдельные факты, проявления, отдельные симулякры, которые в общей сложности как-то принимаются как некое выражение существования национальной политики. Если бы было иначе, то месяц или два тому назад в нашем Институте этнологии и антропологии не обсуждался бы проект новой (национальной) Концепции национальной политики России. Это документ не юридический, это документ рекомендательный, и он еще не утвержден, но тем не менее, он достаточно широко обсуждается. Надо сказать, что в общем в нашем Институте его обсуждение было более или менее как-то скомкано. Так как-то прохладно одобрили и все. В этом новом проекте новой концепции, а это значит, что подразумевается, что продолжает существовать какая-то старая концепция, но никто ее никаким образом не видел во сколько нибудь вразумительном состоянии, преобладают какие-то такие благие общие слова. Они чрезвычайно напоминают мне мечты помещика Манилова о построении моста через пруд и устройении на этом мосту различных лавок, где купцы торговали бы всяким нужным для мужиков товаром. Конечно, хорошо бы было построить такой мост и воплотить в жизнь все те весьма общие и расплывчатые идеи, которые содержатся в этом новом проекте. Я думаю, что и у Манилова не было конкретных разработок чертежей моста и так далее, но была такая некая общая идея «желательного построения моста», неясно правда, через какой пруд и неясно, между кем и кем. Понятно, через что должен строиться этот мост национальной политики в новом проекте – через интолерантность, через ксенофобию, через национальную отчужденность, пропаганду национальной неприязни и так далее, это ясно, это такой действительно зловонный пруд в нашем государственном устройстве, и нужно с ним что-то делать. Нужно, скорее всего, его осушать и мостить гать, нежели строить через него мост. Неясно еще между кем и кем будет этот мост – но, по-видимому, между властью и народом.

Впрочем, можно более определенно сказать, чего в проекте нету, нежели то, что в нем есть: причем, если нету единой общегосударственной, принятой обществом и разделяемой обществом, что очень важно, национальной политики, то практически в каждом субъекте Федерации в той или иной форме своя национальная политика есть. И в этом плане можно сказать, что национальная политика отдана на откуп субъектам федерации или, точнее, главам и элитам этих субъектов. Вообще, этот вопрос терминологический, мне не нравится, когда слово «элита» употребляется в том смысле, в котором его сегодня употребляют журналисты. Дорогие коллеги, элита – это я, а также вы, творческая интеллигенция России. Вот это есть элита, а то, что называется «элитой», можно в зависимости от вкуса и позиции называть «правлящей кликой» или, в конструктивной оппозиции, конкретной социально-экономической верхушкой, можно употреблять такое красивое и вежливое слово как «истэблшмент». Вы занимаетесь природой и знаете что такое «элитные дубы» или, скажем, «элитные бараны или козлы». Ну не дотягивает это сообщество или категория до элитного дуба, или даже до элитного козла или барана. Та национальная политика, которая осуществляется истэблшментом субъектов федерации – в областях, республиках, округах, в принципе она может быть очень хорошей (правда, конкретный случай, где она является очень хорошей, мне назвать трудно, относительно позитивные моменты есть на Чукотке, в Ханты-Мансийском автономном округе, в Удмуртии) или может быть очень плохой (здесь конкретный случай назвать легче – мне кажется, что таким просто минусовым объектом в этой области является Дагестан и некоторые другие регионы Кавказа).

Ну, что касается интересующих вас прежде всего регионов Севера и Дальнего Востока, она может быть посредственной, приемлемой, вполне приемлемой, более или менее удовлетворительной, довольно хорошей. Вы не случайно упомянули здесь ваше участие в Ханты-Мансийском и Чукотском проектах – в этих регионах, возможно и в результате вашего участия, ситуация мне представляется относительно хорошей. Довольно много делается для поддержания коренных народов этих территорий, для их культурного развития и вообще даже для их жизни. И губернаторы этих территорий действительно

стремятся, и им удается порой сделать немало хорошего во вверенных им округах. Видимо, такие же намерения есть и у других глав регионов. Повторяю, что относясь к конструктивной оппозиции, я не намерен всех мазать черной краской или каким-нибудь веществом еще более худшего состава, как это делает оппозиция деструктивная, но в большинстве случаев, говоря бессмертными словами нашего крупнейшего государственного деятеля Черномырдина, не их вина, а их беда в том, что хотят они всегда сделать «как лучше», но получается у них «как всегда».

Ну например, что хорошего я могу отметить? Хорошо, что характерное для советского периода выжигание огнем и мечем шаманизма сменилось не только толерантным, но и в общем позитивным отношением к нему. Скажем, в Якутии он почти доведен до уровня официальной национальной религии, конечно, таковой не является, но близко к тому. В Бурятии официально признаны (законодательно) 4 основные религии (в России их тоже 4, но в России это русская православная церковь – РПЦ, ислам, иудаизм и буддизм) – в Бурятии это РПЦ, православие семейских (ну это оксюморон, конечно, но можно сказать, неортодоксальное православие, правда, перевести на английский более сложно – non-Orthodox Orthodox), буддизм, естественно, и шаманизм. Эти четыре религиозных направления определены как пользующиеся поддержкой бурятского государства, причем имеют преимущественное право на регистрацию, на деятельность и так далее. В Бурятии есть и бахаисты, и иеговисты, и их не так уж мало, но только эти 4 пользуются преимуществами признанных религий. Но с другой стороны, если в светском плане, к шаманизму отношение толерантное и в общем даже позитивное, то РПЦ, к сожалению, не мытьем так катаньем, стремится пролезть на позиции (если не де-юре, то де-факто) государственной религии России, и не перестает выдвигать, так скажем, настоятельные требования оказывать нажим о введении в школах обязательного преподавания основ православной культуры и тому подобные вещи, а среди пастырей РПЦ (многих из которых я вполне уважаю), приходится констатировать наличие немалой доли натуральных мракобесов (или спонтанных эпизодических, или системных и систематических). И в целом, православная церковь не может, и никогда не будет позитивно относиться к шаманизму. Тогда как шаманы толерантно относятся к православию, я знаю сколько угодно случаев, когда шаманы свою лекарскую целительную деятельность начинают с вопроса «а к какой религии принадлежит пациент». И выяснив его принадлежность, спрашивают о степени его воцерковленности, об уровне его связей с этой религией и говорят, что «я с тобой работать буду, но ты, голубушка, сначала пойдешь там помолишься и поставишь свечку в храме», если это православная женщина. Так что здесь имеют место несимметричные отношения, но иногда они выглядят как угрожающе интолерантные, во всяком случае, со стороны многих православных иерархов. Это и отношение к шаманам, это и отношение к кришнаитам, и вообще, к индуистам. Например, проект сооружения кришнаитского храма они называют не иначе как сооружением идолопоклоннического «капища», что совсем недопустимо, поскольку индуизм является главной исторической культурообразующей религией великого индийского народа, народа, с которым у нас были всегда теплые отношения, начиная с 18 века, если не со времен Афанасия Никитина, народа, культуру которого мы должны уважать, и из этой культуры многое для общегуманистического идеала мы можем почерпнуть. Конечно, можно то же самое сделать, не будучи шаманистами, не веря в реальность духов и возможность общения с духами (я-то в эту реальность верю, потому что я знаю много фактов и неоспоримых доказательств), и из преобладающей позитивной стороны деятельности наших современных шаманов очень многое можно почерпнуть для гуманизма. Но до этого уже реализация национальной политики на местах не доходит. Кроме того, я хотел бы обратить внимание на тот факт, что заслуживающие позитивного восприятия и одобрения действия, происходящие в Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах, сосуществуют там и с некоторыми негативными явлениями, но главное – хорошо там, где есть деньги. А в других местах таких денег нету, и

соответственно, там не очень хорошо. Меньше всего денег в Дагестане, то есть их там так много, что они полностью находятся в кармане глубоко криминализованного и коррумпированного истеблишмента, и поэтому в Дагестане в плане местной и региональной политики хуже чем где бы то ни было в России. В Ханты-Мансийском округе, несмотря на то, что многое делается в области культуры, экология Югры находится в очень угрожаемом состоянии. Общаясь с представителями коренных этносов, интеллигентными представителями этих этносов в Чукотском округе, я вижу, что они недовольны определенным предпочтением, которое отдается в управлении, менеджменте представителям некоренной национальности, им и лучшие условия создаются, и карьерно им больше возможностей предоставляют. То есть, создавая в целом для коренного населения приемлемые условия, создавая такой замечательный комплекс как музейный центр в Анадыре, все-таки мало делается для того, чтобы в этом музейном центре основную решающую роль в научной и творческой деятельности занимали бы именно представители коренных народов. Они как-то оттеснены на задний план, что резко контрастирует, например, с может быть, даже более богатым, но несравненно худшим по всем идейным параметрам, концепции, содержанию, Смитсониевским Музеем американских индейцев на Молле в Вашингтоне. Этим учреждением действительно заправляют представители индейских общин, но с этим делом справляются плохо. И той роли, просветительской, которую он должен был бы выполнять, этот музей не выполняет, а анадырский выполняет не в полной мере.

Одним из самых страшных зол, которое может угрожать национальным взаимоотношениям в России, является ее политика губернизации, фактической дефедерализации, превращения в унитарное государство, где все связи в основном вертикальные, а горизонтальных связей нет и их развитию во всяком случае внимания практически не уделяется. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что то, «что у Единой России на уме, то у Жириновского на языке». И когда Жириновский бурно, лично выражает свои восторги по поводу ликвидации той или иной местной национальной территориальной автономии, мы должны видеть за этим нечто гораздо большее, нежели просто личные восторги Жириновского. Несколько субъектов РФ прекратили свое существование, будучи слиты с несравненно более крупными субъектами. Получились какие-то новые образования, ну например, типа Пермского края. Конечно, с точки зрения либеральной демократической политики, гораздо более отвечающим ее принципам было бы не слияние Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью в некий Пермский край, а либо слияние Коми республики и Коми-Пермяцкого округа в единую республику народа Коми, либо сохранение Коми-Пермяцкого округа в качестве самостоятельного субъекта, который вступил бы в двусторонние договорные отношения с Коми республикой, потому что это по существу две части одного народа Коми.

Но много ли вы слышали о двусторонних договорных отношениях между субъектами федерации? Вообще-то говоря, они есть на разных уровнях, но это отнюдь не то, что поощряется, продвигается, а и развитие горизонтальных отношений не в ущерб вертикальным, но приоритетное перед вертикальным горизонтальное развитие и развитие властных полномочий наиболее мелких административных единиц, типа уездов, волостей, районов, сельсоветов, кантонов, аймаков, улусов, называйте их как хотите, должно было бы быть приоритетным направлением национальной политики, но не является таковым. И в Концепции ни о противостоянии губернизации, ни о противостоянии слиянию субъектов федерации, ни о расширении прав низовых муниципальных организаций, о превращении, скажем, районов в некое подобие кантонов, ни слова не говорится. Национальная культурная автономия – вещь неплохая, но она подходит для тех частей этноса, которые находятся в диаспоральном состоянии. Состояние всяческих национальных землячеств – это проявление автономии, хотя в чем там будет проявляться автономия, и от чего они будут автономны, это неясно. Потому что и общество филателистов, и клуб

велосипедистов автономны в той же мере, в какой автономны эти национальные автономии. – у них нет налогов, то есть тех поступлений, которыми как-то живут национальные образования, у них нет возможности издавать хотя бы административные распоряжения, которые имеются в территориальных образованиях, много чего еще у них нет. В общем, это довольно пустые образования, и реальными могут быть только национальные территориальные образования, но в рамках существующей национальной политики или того, что мы принимаем за нее, имеется тенденция – часть из них уничтожаются, а часть – лишаются все более и более своих важных функций.

Я должен сказать, что процент коренного населения в том или ином субъекте федерации – это не очень важный момент. Я приведу крайний пример – возьмем Еврейскую автономную область. Это искусственное образование, оно не имеет больших перспектив на фоне существования государства Израиль и на фоне существования в России значительного числа еврейских организаций, таких как Федерация еврейских общин России, евразийско-еврейская ассоциация и многие другие. Процент евреев в Биробиджане ничтожен. Тем не менее, уничтожение Еврейской автономной области, полное ее слияние с Хабаровским краем, ликвидация ее специфики в законодательном плане была бы существенным ударом по мировому счету, не только по российскому имиджу, потому что сколь ни мало количество евреев, обитающих в Биробиджане, это по существу единственный в настоящий момент очаг, тлеющий очаг сохранения идишистской культуры. Потому что в Израиле идишистская культура рассматривается с существенным пренебрежением, между тем еще 100 лет назад и даже меньше, это была мощнейшая культурная традиция и если она уйдет в небытие, то это будет потеря и для еврейского народа, и для человечества в целом.

У национальных территориальных автономий и образований – две функции основные – это разработка основного экономического ресурса, с которым они, где лучше, где хуже, справляются и существование в качестве колыбели очага местного коренного населения или этноса, как бы мал он ни был. Ну если, скажем, с ненцами (но это зависит не столько от национальной политики внешней, сколько от жизнестойкости самого этноса) еще не все, то многое в порядке: оленеводство у ненцев продолжает развиваться и соответственно все сферы культуры, связанные с оленеводством, продолжают более или менее существовать, то на Чукотке положение с оленеводством неизмеримо хуже. Как образец совершенно нетерпимого (не хочется говорить безнадежного) положения я бы назвал положение одного из самых маленьких коренных этносов России – это ороки или уйльта на Сахалине. Они находятся в совершенно тяжелейшем состоянии и реально ничего для них не делается. Наоборот, то что делается, скажем, освоение нефтяных месторождений на Севере Сахалина - природе это может нанести непоправимый ущерб, потому что это практически подорвет кормовую базу и уничтожит охотскую популяцию серых китов, на что изданные вами книги (Л.С.Богословской и других авторов) прямо и нелицеприятно указывают, то как сооружались трубопроводы, которые пересекали множество нерестовых рек и речек, это полное безобразие, конечно, эти речки погублены и уже нанесен колоссальный ущерб - но этим не исчерпывается бедственное положение народа уйльта.

Я понимаю, что вас больше интересуют проблемы Севера, но нам нужно все-таки обратиться и к другим местам. Другим местом концентрации коренных малочисленных народов (именно по официальному критерию – менее 50 тысяч, хотя этот критерий, конечно, взят с потолка и он мог бы быть сделан 70 или 80 тысяч, все-таки есть много народов, которые обладают численностью до 100 тысяч и они вполне заслуживают поддержки по особой программе и всякого содействия, больше чем крупные народы) является Кавказ. В Карачаево-Черкесии существует серьезный дисбаланс, не налажено взаимодействие и сохраняется постоянно тлеющий конфликт между карачевцами (которые составляют около 40% населения) и черкесами (которые составляют около 10% населения), при том что другие местные этносы находятся совершенно в забвении

(прежде всего, абазины, составляющие 3-4 % населения и живущие только в Карачаево-Черкесии, их около 25 тыс., и селения там достаточно разобщены), в принципе для содействия им должен был бы быть образован некий абазинский кантон, который имел был дизъюнктивный ареал (впрочем, это обычное дело в других странах – 2 аула там, 3 аула тут), и управлялся бы в рамках республики как единое национальное административное образование. И если в Карачаево-Черкесии формируется все больше и больше «карачай-power», то в Кабардино-Балкарии формируется «кабардин-power», я не говорю уже о таких меньшинствах как осетины, которые помимо Осетии и Алании, проживают и в Кабарде, и в Карачаево-Черкесии, и существование которых там полностью игнорируется. Или о ногайцах (только около 30 % проживают на территории Северного Дагестана, где они включены в число конституционных народов), но ногайцам Ставропольского края и ногайцам Карачаево-Черкесии не шибко тепло от того, что они признаны государствообразующим народом в Дагестане, потому что их культурные и национальные нужды и особенности игнорируются на других территориях. В Башкортостане – господствует «башкорт-power», хуже всего дело обстоит в Дагестане, где имеется все более консолидирующаяся последнее время авар-power. Существует, при всей их разобщенности, некое единство народов Дагестана в их совокупном противостоянии этой тенденции авар-power, и кроме того, существует еще разногласие между истинными аварцами (маарулал) и разного рода малыми родственными народами. Часть цезов и андийцев сумела-таки настоять на своем переписном выделении и поэтому их реальность отрицать уже невозможно, но ботлихцы, этот своеобразный народ, насчитывающий 5-6 тыс. человек, (а по переписи есть только 23 ботлихца в России, причем они живут в Краснодарском крае, Петербурге и Москве), проживающий в Дагестане, включен в состав аварцев. Те, кто соглашаются на это, надеются получить какой-то небольшой кусочек от этого большого пирога авар-power, но не получают его, потому что у подлинных аварцев, у настоящих аварцев есть свои кланы, свои джамааты и свои властные ресурсы, которыми они с какими-то там цезами, ботлихцами, бежтинцами делиться вовсе не намерены. Вообще в Дагестане совершенно фантастическая ситуация и в отношениях Дагестана с центральной властью. Это не пропагандируется, но тем не менее, дагестанское лобби сумело добиться, чтобы малыми народами были признаны все конституционные народы Дагестана, включая 700-тысячных аварцев. Но при этом чтобы о ботлихцах, кубачинцах, цезах в текстах, связанных с этим законом, вообще не было никакого упоминания. Одним моментом из того, чего вовсе нет в нашей национальной политике, и чего крайне боятся включать в перспективную национальную политику, является принцип национальной резервации. Как-то у нас установилось мнение, что резервация это ужасная бяка, средство угнетения коренных народов, инструмент их вымаривания, и так далее, и так далее. Так иногда бывало. Но так давно уже дело не обстоит. И резервации в Соединенных Штатах являются очень хорошим инструментом национальной автономии для коренного населения. Я сам был в большом количестве резерваций, скажем, в резервации Хопи. Когда въезжаешь в резервацию (она в центре территории навахо, и со всех сторон окружена большой резервацией Навахо, находится на северо-востоке Аризоны), вас встречает щит с надписью, что пересекая эту черту, вы признаете себя подчиняющимся правилам, установленным племенным советом Хопи, не федеральным или государственным законам, не законам штата Аризона, а установлениям, изданным племенным советом Хопи. Конечно, туристы туда ездят и хопи этому рады – значительная часть их доходов это изготовление сувениров, в том числе из серебра, вроде кубачинских, высокохудожественных вещей, которые там на месте можно купить, скажем, за 100 долларов непосредственно у мастера или за 120 долларов в местном ларьке (сегодня я надел галстук-болотай, подаренный чукотскими друзьями, но мог бы надеть серебряный с чернью болотай, который я купил в резервации Хопи), а такая же вещь может продаваться где-нибудь в художественном салоне Сан-Франциско или Нью-Йорка уже за 220 – 240 долларов. Нельзя сказать, что заработки очень велики, но тем не менее, они живут этим,

сохраняя свои национальные традиции, и туристы заезжают, но при этом можно иногда натолкнуться на щит, который говорит, что в настоящее время в селе идут религиозные церемонии и просьба не въезжать в поселок.

Но что можно в качестве заключения сказать? Можно сказать, чего нет и не предвидится, даже в тенденциях, в формулировке хотя бы общих положений национальной политики. Нет вразумительного определения национальной школы, нет определения уровня преподавания родного языка или на родном языке в рамках национальной школы, нету новой концепции школы, она продолжает оставаться интернатской, хотя она себя давно дискредитировала. Не придано значение языку, большинство языков умирает, но их можно поддержать. Есть пример Израиля, где мертвый в течение двух тысяч лет язык был ревитализирован, но определенная ревитализация возможна и в наших условиях. Нет строчки финансирования расширения публикаций на родном языке, радио, телевидения. Пара слов о национальном языке. Как только заикнешься о том, что следовало бы внести конституционное положение, что хотя бы президент республики обязан владеть титульным языком, как поднимается визг – ах, мол, это - недемократично. Демократичнее Ирландии трудно найти государство, но там по закону все госслужащие обязаны владеть гэльским языком. При том, что на нем говорит менее 10 % населения. Понятно, что у нас такое требование нереально. Но доплату госслужащим в размере 10-% надбавки за знание титульного языка ввести следовало бы. Вот это была бы правильная национальная политика!

Не буду говорить о Татарстане, можно было бы поговорить, хотя татары очень крупный народ, но и здесь наблюдается дискриминация, скажем, в решении Конституционного суда об отмене латиницы и недопущении латинского алфавита для языков России (крайне антидемократическое, чудовищное решение!), может быть, если голосовать, то большинство татар и выскажется за сохранение кириллицы, но дело в том, что судьбы нации решаются не колхозниками этой нации, а ее творческой интеллигенцией, ее подлинной элитой. И пожелания, стремления этой элиты должны учитываться в формулировании национальной политики не меньше, а больше, чем пожелания любого другого.

И Горбачев, и Ельцин, и Путин в своей конкретной деятельности, где для всех трех можно отметить многое заслуживающее уважения и позитивных моментов, недооценивали в своей деятельности национального фактора. Горбачев потом пост-фактум признавался, как поздно он сообразил важность этого фактора. И если бы он сообразил его пораньше, или если бы вступая на свой пост генсека, он уже знал бы что такое национальная политика и важность национального вопроса в истории, не только в культурной и политической жизни, но и в истории народов мира, то в цивилизованной форме Советский Союз на уровне Европейского Союза мог бы быть сегодня сохранен. И это было бы положительным явлением, но произошло то, что произошло. И я боюсь, что общая недооценка национального фактора, наряду с растущими тенденциями фашизма, шовинизма, ксенофобии, которую мы наблюдаем в русском обществе (не только в русском, но в русском прежде всего), которые когда-то 18 лет назад привели к коллапсу Советского Союза, не дай Бог, могут сыграть свою значительную роль в кризисном (не хочу говорить «коллапс») развитии внутривнутриполитической ситуации в России, не если, а когда, подчеркиваю, когда ее экономическое состояние, основанное на раздутых ценах на нефть и прочее сырье, начнет сжиматься и сокращаться. Извините за слишком долгую мою речь и большое спасибо вам за внимание!

П.М.Шульгин:

Спасибо Вам за очень яркое и тактичное сообщение! Ну а теперь вопросы к докладчику.

Вопрос: Я с вашего позволения сразу задам вопрос, у нас открытый семинар, и мы имеем прекрасную возможность задать вопросы по интересам. Мы всегда хотим сравнения для

большого понимания, и если возможно, где, в какой стране есть наиболее осознанная национальная политика, сейчас стоят подобные проблемы и в Азии, и в Африке, и если сравнивать страны первого мира и третьего мира, то где, на Ваш взгляд, наиболее осознанная политика?

Ответ: Ну, во-первых, это скандинавские страны, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания – эти страны идут далеко впереди. Не столько США, где я считаю, это особый вопрос. Свобода, права человека, демократия, оплотом которых являются Соединенные Штаты – это миф. Я там достаточно много работал. Я там по полгода проводил, преподавая в разных американских университетах, знаю это сам, нет там демократии, и нет там прав человека. В нашем понимании, в европейском интеллигентном понимании, во всяком случае. В Канаде дело, конечно, обстоит лучше, достаточно хорошо дело обстоит в Новой Зеландии и Австралии, хотя там перегибы с политкорректностью тоже имеют место. А в странах третьего мира - я не могу сказать, скажем, обо всей Латинской Америке и не могу найти ни одной страны, где индейскому меньшинству уделялось бы должное внимание и проводилась бы благожелательная патерналистская, но все-таки способствующая выживанию и прогрессу этих меньшинств, политика. Другое дело, что в ряде стран сейчас индейские организации, индейцы-президенты пришли к власти, но они проводят политику и пришли к власти из деструктивной оппозиции, поэтому их конструктивный потенциал (Эва Моралес является классическим примером) - достаточно невелик, и они могут привести свои страны к краху именно потому, что они деструктивны по своему воспитанию. В Африке просто нет ни одного положительного примера, Африка это пример «войны всех против всех», и ни о каких порядочных межнациональных отношениях и речи не идет. Индия, где я работал достаточно много, по 4 месяца во всех районах Индии, там есть не очень много острых проблем, но в целом национальная политика здравая и это, между прочим, по существу, аналог советской национальной политики без ее эксцессов и главных недостатков. Основная схема такая же – Индия это совокупность штатов, штаты выстраиваются по национальному признаку, правда, он называется не национальным, а лингвистическим. Правда, есть и несколько штатов говорящих на хинди, но кроме Индии я затрудняюсь назвать... Более-менее цивилизованно решаются вопросы в Малайзии, но в основном это взаимоотношения малайцев и китайцев, разделенных на несколько групп, плюс еще некоторое индийское меньшинство и очень маленькие аборигенные народы. В островной части, в Сараваке и в Северном Борнео, где аборигенные народы преобладают, федеральное правительство ведет достаточно хорошую политику. В Сингапуре (это город- государство) удается поддерживать толерантные цивилизованные отношения между китайскими, индусскими, малайскими общинами, населяющими этот город при преобладающем населении китайцев, и разумное место найдено и малайскому языку, и китайскому, и английскому. Ну вот, собственно говоря, все...

П.М.Шульгин: Спасибо за обзор!

Б.Б.Родман: Расскажите, пожалуйста, о Карабахе, Абхазии и Осетии.

Ответ: Вы знаете, это три разных, непризнанных и самопровозглашенных государства, я думаю, что первым самопровозглашенным и довольно долго непризнанным государством в мире в новой истории были Соединенные Штаты Америки, так что говоря о самопровозглашенных государствах, мы должны это помнить. Ну эти три территории, там еще Приднестровье, ну это совершенно другая статья. Скажем, в Карабахе формула «мир в обмен на земли» могла бы быть приемлемой. Другой формулой, одной из универсальных формул, которая могла бы, кстати, решить вопрос и судьбу одного района на стыке Осетии и Ингушетии была бы формула кондоминиума. Скажем, Пригородный район или тот же Карабах, на официальных картах могли бы штриховаться диагонально, как это принято в кондоминиумах, и являться территорией с ограниченной

суверенностью, находящейся под двойным протекторатом Армении и Азербайджана или Осетии и Ингушетии . Это был бы разумный компромисс, к которому, однако, ни одна, ни другая стороны совершенно не готовы. А модель эта существует, модель эта реализуется в Андорре, по существу она является франко-испанским кондоминиумом и в то же время княжеством с ограниченной суверенностью и независимостью. Князьями Андорры является епископ Урхельский в Испании и президент Французской республики как правопреемник французских королей. Вот этот вариант во многих случаях был бы приемлем. Что касается южной Осетии, я считаю, что и России, и Южной Осетии можно было бы принять (с переговорами, компромиссами и прочим, конечно) ту широкую автономию, которую наконец-то Грузия начала предлагать, если она и вправду «доросла» до понимания, что такую автономию необходимо этим территориям предоставить. Они и слышать этого не хотят. Абхазия – ну здесь цивилизованным мог быть опять же российско-грузинский кондоминиум, но тоже об этом никто слышать не хочет. Но в принципе, Абхазия могла бы стать и независимым государством. Косово создало такой мощный прецедент, про который говорят, что это не прецедент, но с таким же успехом вчерашний снегопад можно не признать за снегопад, а сказать, что это уникальный случай и в метеорологической сводке его как снегопад не записывайте! Но это не получится – снегопад был снегопадом, и прецедент остается прецедентом. Но, конечно, это очень сильно испортит наши отношения с Грузией, но они и так уже испорчены донельзя и не всегда по вине Грузии. Ну, есть несколько возможных сценариев, вообще-то говоря, вполне могли бы взять абхазы именно такую широчайшую автономию и получить статус свободно присоединившегося государства, как Пуэрто-Рико в США. Или статус широкой автономии как Аландские острова в Финляндии. В мире наработано много моделей и эти модели успешно реализуются в цивилизованной политической обстановке.

Т.Ю.Семенова: Вы интересно рассказывали про правительственную политику в отношении национальных меньшинств, коренных народов России, но закончили тем, что сказали, что есть такие вещи, о которых можно только мечтать, и стали говорить о самом основном - о языках, о национальных школах. А в исторической перспективе, что у нас все так безнадежно? В связи с этим мне хочется спросить, скажите, в нашей истории российской были, наверное, такие моменты, вернее периоды, когда национальные вопросы решались, если не цивилизованным путем, то ну каким-то соглашением, согласием. Из Вашего доклада следует, и наверное, многие с этим согласятся, что вообще-то нас ждет мрачное будущее...

Ответ: Весьма! Такие периоды, благоприятные периоды были... Вспомним хотя бы Уложение Сперанского... Ну, трудно говорить о 20х годах XX века как о благоприятном периоде в истории России – мучительные, ужасные были годы, но национальная политика большевиков, (которые, конечно, нарубили много дров и совершили много преступлений) до 1930, и даже отчасти до 1938 года, еще по инерции оставалась прогрессивной социал-демократической политикой. Даже, может быть, с некоторыми чрезмерностями, потому что говорилось, что в идеале лопари должны иметь возможность читать Капитал Маркса на лопарском языке.

П.М.Шульгин: И не только лопари, по-моему даже кеты.

Ответ: Да! Заведомо утопические ставились цели, но продвижение к этим целям велось. И тогда существовало огромное количество национальных ассоциаций, национальных журналов, издавалась на национальных языках литература, создавалась письменность для этих языков, причем эта письменность была научно продумана в отличие от нынешней кириллической, которую делали тят-ляп. Был такой период. А что касается перспектив, то, конечно, может дело идти как-то иначе, не далее как вчера я составлял ответ на письмо убыха (прислали на рецензию), который написал Президенту, чтобы помочь возродить убыхский язык и национальность. Надо сказать, что убыхи почти целиком выселились в составе махаджиров в Турцию, там были поселены недалеко от Стамбула, поэтому в

отличие от абхазов и черкесов не сохранились как этнос, а очень быстро отуречились. Последний говоривший по-убыхски человек умер в 1978 году. Так что возродить убыхский язык будет сложнее, чем возродить иврит. Убыхов - в Турции довольно много турок, помнящих, что они по происхождению убыхи, и в районе Сочи наверное найдется несколько десятков, может быть сотен человек, которые принадлежат к смешанным убыхско-абхазским (черкесским) семьям, и вот один из них является убыхским национал-патриотом. Он просит президента Путина помочь возродить убыхский язык, но будь Путин полиглотом почище академика Н. Марра, и то вряд ли бы он справился с такой целью.

Ю.Л.Мазуров: Как на Ваш взгляд национальная политика справляется с задачами охраны наследия и где они должны быть обозначены?

Ответ: Понятно. Наследие чрезвычайно широкое понятие, но я отвечу на Ваш вопрос и добавлю к тому, что я не договорил по предыдущему вопросу. Но я опубликовал материалы на эту тему, в частности, в журнале «Северные просторы». Дело в том, что я имел возможность работать среди айнов – один раз в 1960 году, ну потом я в поле там не бывал, но я вел мониторинг территории, и в 1997 году я там побывал снова. Побывал намеренно – в тех же поселках и в тех же семьях, и результаты этих наблюдений я опубликовал. И результаты эти подтверждаются и тем, что я более или менее мог наблюдать на Аляске, и в резервациях на территории Соединенных Штатов. Идет процесс (он и у нас идет на начальной стадии пока) превращения этноса в корпорацию с заложенными интересами (vested interests). Вот в случае с айнами (и может быть с индейцами Мохаук на востоке США) этот процесс уже завершился. То есть, можно сказать, что на айнском языке не говорит никто. Уже давно ни одна мать не говорит на этом языке со своим младенцем, а это основное условие. Пока хотя бы одна мать говорит со своим ребенком на родном языке, этот язык жив. И как только нет матери, говорящей с ребенком на своем языке, можно сказать, что этот язык мертв. При этом он может жить и сохранять большое значение: ни одна мать в Индии не говорит со своим ребенком на санскрите, но санскрит является одним из 14 конституционных языков Индии. На санскрите говорят десятки миллионов человек – это дети брахманских семей, которые изучают его в семье, изучают его в вузах и в храмах. Потому что жрец в храме должен служить, читать пуджи на санскрите. Кроме того, он обязан читать Веды, заниматься усовершенствованием своего знания (как правоверный иудей с Торой) священных текстов и так далее, и так далее. И так же, как и в Европе испанский и хорватский священники, встретившись, худо-бедно договорятся на латыни, и даже разопьют бутылочку и поговорят о семье (я такие случаи знаю), точно так же брахман из Кералы и брахман из Бенгалии вполне смогут, даже если они не священники, пообщаться на санскрите. Тем не менее, санскрит является мертвым, если можно так выразиться, живущим мертвым языком. Вот таким языком ритуала, политического самовыражения стал айнский язык. Никто на нем не говорит, но издается газета на айнском языке тиражом 2000 экз. (всего айнов 16 тыс., при этом половина подписчиков японцы, владеющие этим языком), айны овладевают айнским языком, далеко не все, но многие, в воскресных школах, изучая его как иностранный. И все меньше и меньше людей, которые могут совершить ритуал поминания (естественно, на айнском языке и зная айнский язык и сам ритуал). Но есть преференции, привилегии, которыми обладают айны. И есть преимущества, которыми обладают члены Утари кекай, официально существующего при губернаторе Хоккайдо общественного айнского объединения. Это порождает много злоупотреблений. Скажем, какой-нибудь мелкий японский бизнесмен оформляет на работу 2 десятка 90-летних айнских стариков, платит им маленькие денежки, реально работу исполняют молодые японцы, и то, что бизнесмен экономит на неотчислении НДС с зарплаты, он кладет себе в карман. Ну вот и многое другое такое же в отношении привилегированности айнов. Айны ведут борьбу за признание прав на те земли, которые когда-то были отторгнуты,

конфискованы у них, но борьба пока успехом не увенчалась. Они устраивают демонстрации, пикеты, с лозунгами, плакатами на японском и айнском языках, и когда какой-нибудь деятель (Сигеру Каяно, у которого я жил, был незадолго до кончины сенатором японского парламента, правда, он прошел туда как депутат от социалистической партии), начинает выступление, так вот все эти митинги начинаются с речей на айнском языке – 2-3 предложения, после которых переходят на нормальный японский. То есть наследие, в том числе и культурное наследие, музеи под открытым небом, просто музеи, художественные промыслы, танцы, песни, хороводы, существуют отчасти как средство доходности и туристической привлекательности (сейчас мало кто занимается сельским хозяйством, но многие содержат отельчики, ресторанчики, магазинчики, мастерские резьбы по дереву, великолепной резьбы, прямо скажем), но и как символы, знамена, орудия политического лоббирования, борьбы за свои права, преференции и т.д. И вот я думаю, что в конечном счете судьба если не всех, то большинства малочисленных народов Севера – это идти по айнскому пути.

П.А.Филин: Вот Вы сравнили национальную политику со снежным человеком, а возможна ли адекватная национальная политика сейчас в государстве вообще? Или отсутствие национальной политики и есть та самая политика?

Ответ: Вообще, политика, не только национальная, но и экономическая, внешняя, это сейчас игра в шахматы с просчетом на один ход. Пока наши ведущие политики не научатся просчитывать хотя бы 3-4 хода, вряд ли что-либо изменится. А хорошая национальная политика возможна, и скажем, Дания, Новая Зеландия, Финляндия (причем не только в отношении саами, но в отношении русских, шведов) являются хорошим примером реалистической, демократической, разумной, цивилизованной национальной политики.

Вопрос: На территории бывшего СССР есть ли примеры хорошей политики в отношении меньшинств и коренных народов?

Ответ: Ну, хотя национальная политика Эстонии и Латвии и подвергается критике, и многочисленным, и иногда довольно обоснованным нападкам (иногда эти нападки совершенно необоснованны, как в частности, в случае истерии вокруг этого бронзового солдата), но это не очень хорошо для цивилизованной страны. В Литве - да, она лучше. Но это страны-члены ЕЭС, а не СНГ. А если взять СНГ, то во всем СНГ по всем параметрам наиболее передовой страной является отнюдь не Россия, а Казахстан. Несмотря на отдельные упущения и даже безобразия, все равно по всем параметрам Казахстан самое преуспевающее и успешное государство.

Вопрос: Не могли бы Вы вкратце повторить положения Вашего доклада по рекомендациям для коренных народов?

П.М.Шульгин: Ну, я порекомендовал бы в ответ приходить на семинар с самого начала и не пропускать главного, чтобы не повторять все с начала.

Ответ: Но я отвечаю. Копировать политику Дании в отношении гренландцев, фарерцев и прочих, в том числе даже мусульманских, меньшинств в Дании.

П.М.Шульгин: Мы подошли к перерыву, и я хочу еще раз поблагодарить Сергея Александровича не только за очень тактичную, деликатную и умную лекцию, но и за грамотный и неформальный ответ на все вопросы, которые были заданы. Для нас честь Ваше выступление здесь!

С.А.Арутюнов: Я тоже хочу поблагодарить всех за внимание и терпение, и сказать, что для меня и честь, и большое удовольствие выступить в такой компетентной аудитории.

Продолжение семинара после перерыва

Координатор семинара, старший научный сотрудник Института Наследия
Т.Ю.Семенова:

Давайте начинать наше заседание, мы подождем пока подойдут все остальные участники, позвольте пока предоставить слово одному из участников, попросивших выступить вне регламента, в связи в том, что он должен будет раньше уйти на вручение наград на выставку. Он сам представится, прошу Вас!

Ф.Х.Яунгад:

Уважаемые земляки! Меня зовут Яунгад Хабыча, я из Ямала, я работаю главным редактором единственной в мире ненецкой газеты, и у нас еще выпускается детская газета «Мынико». Я бы хотел поделиться с вами, что нужно для того, чтобы коренные народы России жили хорошо. Вот в начале Советской власти Николай Тимофеевич Няруй, депутат Верховного Совета СССР, был на приеме у Иосифа Виссарионовича Сталина, и Сталин тоже спросил его, что нужно, чтобы коренные народы Ямала жили хорошо. Он сказал, что нужен «такой портфель из крокодиловой кожи, как у вас, и такие сапоги, как у вас». И ему сразу выдали эти вещи – сейчас его сын, композитор Семен Николаевич Няруй их как реликвию хранит до сих пор. А сейчас в Государственной Думе, как вы все хорошо знаете, нету ни одного представителя из коренных северян. То есть можно сказать, что устав или закон, который придумали депутаты, он «деревянный», то есть мы не востребованы представителями самой главной власти в стране, при этом коренные народы в РФ занимают 68% территории и численность их более 300 тыс. человек, и из этого количества людей можно было бы выбрать нескольких депутатов. Теперь к представительной власти – по коренным народам работает любой, но только не коренные северяне, а по-моему именно они должны там работать, потому что они знают свои земли. Тут тоже деревянность какая-то выходит. Теперь на местах, в муниципалитетах. Там, где живет большинство коренных народов, руководителем всегда становится русскоязычный человек, и этот человек тянет к себе на работу из всех бывших советских республик своих людей, вплоть до уборщицы. А наши сородичи, которые не только Институт имени Герцена закончили, но и другие высшие учебные заведения РФ, может, и за границей учились, но они остаются без работы. Если бы эти проблемы на высшем уровне были решены, то коренные северяне были бы востребованы у себя на родине, и не пили бы так, как сейчас пьют. Если есть ученые, которые могут довести это слово до Госдумы, то пусть они это сделают, пусть расскажут, какие у нас есть проблемы на Севере. Я все сказал.

Т.Ю.Семенова:

Давайте продолжим по нашей программе, установим регламент для докладчиков – 20 мин. на выступление и 10 мин. на вопросы. Пожалуйста, первое выступление – Юрий Михайлович Плюснин. Пожалуйста, у Вас есть возможность что-то продемонстрировать по ходу выступления.

Ю.М.Плюснин:

Добрый день, уважаемые коллеги и друзья!

Я постараюсь все-таки уложиться в 20 мин, и мне кажется, что и этот период достаточно длинный. Я изменил тему моего выступления: Она звучит теперь более точно – «Феномен этно-территориальной поляризации, его следствия и значение для практики управления». Основу для доклада составили мои заметки, которые я готовил в качестве «Концепции

социального развития для национальных республик Алтае-Саянского региона в 2001 году». Я предложу 4 тезиса.

Первый – для административной структуры значительного числа российских регионов характерна поляризация населения по этническим основаниям. Второй тезис – следствием этого является хозяйственно-экономическая и политическая изоляция, ну прежде всего, малочисленных народов, и не только, но и тех, которые считаются коренными жителями на территории региона (имея в виду под регионом субъект федерации). Третий тезис – перспективная государственная политика должна строиться с учетом изоляции, на основе поддержки местного самоуправления. Четвертый тезис, как следствие третьего – задачи государственного и муниципального управления в отношении таких групп населения региона должны существенно отличаться, то есть быть адекватными реальной ситуации, и может быть предложен набор взаимосвязанных задач.

Теперь более детализированное изложение каждого из этих тезисов. Этно-территориальная поляризация – собственно, специфика целого ряда регионов России, а на территории Сибири – повсеместно она проявляется в том, что отдельные противоречия образуют клубок социальных проблем, и все они связаны с внутрирегиональной дифференциацией по хозяйственно-экономическим и социально-политическим основаниям. Ну, прежде всего, это относится к субъектам, образованным по национальному признаку – это очень характерно для Алтае-Саянского региона, Забайкалья, включая регионы Дальнего Востока. Однако, те же проблемы, но в скрытой форме, характерны для любой области любого края Сибири – что Кемеровская, что Читинская области, что Красноярский, Пермский, Читинский или Приморский края. Весьма сходна ситуация на Урале и на севере Европейской части России, в этом смысле, регионы, которые не имели бы такой проблемы, их число меньше и их проще перечислить. Этно-территориальная поляризация – это существование представителей разных этносов в разных экологических нишах. «Экологические ниши» - здесь я использую в кавычках вообще-то принятый в биологии термин. Титульные этносы во всех территориально-национальных образованиях (кроме Тувы, может быть республик Северного Кавказа - я там ситуацию не знаю, никогда не изучал) составляют меньшинство населения. Лишь в Туве проживает более 60%, сейчас, кажется, официально 77%. Собственно говоря, в других республиках доля населения от 40-45% и ниже, а в Хакасии и Карелии 10-11%. Например, в этно-исторических областях, типа Таштагольского района (Кемеровской области), части Междуреченского района, Ловозерского района (Мурманской области), численность автохтонного населения составляет доли процента. В совокупности в составе субъектов РФ, если говорить, прежде всего, о сибирских регионах, численность титульных народов в республиках и/или представителей аборигенных этносов составляет не более 10-15 % всего населения, при этом значительная часть этого населения живет в сельской местности. Исключение могут составить город Кызыл, город Тура, поселок Ловозеро. Русское коренное и некоренное и инациональное население сконцентрировано преимущественно в городах и поселках городского типа и соответственно, численность их подавляющая. Аборигенное население, в том числе, представители титульных этносов республик, распределены на всем остальном пространстве, которое последние полтора десятка лет не испытывает никакого урбанистического воздействия. Более того, не только на Русской равнине, но и в сельской местности национальных республик, (может быть, только редкие исключения есть из этого, как Чувашия), происходит деградация и селитебной структуры. При этом городское население занято в горнодобывающей, нефтегазовой, угольной промышленности, в строительстве, на транспорте, в сфере услуг, здравоохранения, в управлении, наконец. А сельские жители или заняты больше в личных подсобных хозяйствах, или занимаются скотоводством, растениеводством, заготовкой сырья-дикоросов и в меньшей степени земледелием, то есть преимущественно теми видами

хозяйствования, которые традиционно ассоциируются с хозяйственной деятельностью аборигенных народов.

Во многих регионах и Сибири, и Урала, особенно Европейской России, Северо-Востока мы наблюдаем, с одной стороны, коренное русское и пришлое русскоязычное население, разнообразное по этническому составу, сконцентрированное на небольших городских территориях (с плотностью до 15 тыс. чел. на кв.км), которое занято в главной экономике – сфере производства и услуг, а также в бюджетной сфере, ныне широко распространенной, которая занимает до 40% численности трудоспособного населения во многих регионах. А с другой стороны, мы видим сравнительно малочисленное сельское население, среди которого подавляющая часть аборигенного, титульного в республиках населения, которое распределено по сельской местности (с низкой плотностью 2-3 чел. на кв.км) и занято преимущественно традиционными видами хозяйствования. Таким образом, мы объективно должны зафиксировать наличие разных селитебно-экологических и социально-экономических ниш, которые заняты представителями разных этносов. И при этом наибольшему разграничению подвергаются как раз автохтонные этносы с одной стороны, русское и русскоязычное пришлое население с другой стороны. Собственно, это и есть феномен этно-территориальной поляризации – территориальная разобщенность представителей разных народов в границах одного административно-территориального образования субъекта РФ.

Следующий тезис – хозяйственно-экономическая и социально-политическая изоляция малочисленных народов. Следствием этого территориального разобщения оказываются различия в хозяйственной практике, экономическая разобщенность, разная степень включенности в государственные программы и степень участия местного сообщества в управлении. Мы должны говорить, что часть населения, разобщенная по этническому признаку, находится в современной экономике, другая часть – вне ее. То есть, интегрированность отдельных групп региона различна. Если сейчас в экономике не более 30-60% населения занято в производстве, бюджетной сфере, то остальное население находится вне экономики, их поведение ориентировано почти исключительно на автономное жизнеобеспечение, хозяйствование «под себя». И эта часть преимущественно сельские жители. И в этом смысле надо говорить, что представители малых этнических групп исключены из экономики. Разве что представители этносов более других могут быть представлены в управлении, но идет ли это на пользу самому этносу, скорее, нет. Соответственно, исключенная из экономики часть населения по уровню денежных доходов в массе своей пребывает в категории нищих и бедных, несмотря на значительный за последние 8 лет рост благосостояния населения в целом. Сельские жители регионов имеют подушевые денежные доходы во много раз (до 10 раз!) меньше, чем городское население. Экстраполируя данные по соотношению уровня жизни сельского и городского населения по паритету покупательной способности в денежном эквиваленте, приходится признать, что разрыв составляет около 3-5 раз.

Только что наши исследования бедности, проведенные в 6 регионах (Новосибирской, Ульяновской, Иркутской, Самарской, Ленинградской и Саратовской областях), подтвердили именно такие наблюдения. Внутри этого третьего тезиса «вне социальной политики» экономическая сегрегация усугублена тем, что сельское население оказывается в значительной степени исключенным из социальной и государственной политики, это особенно ярко проявлялось в 1993 – 2001 гг. Люди были лишены практически и медицинской помощи, и был ограничен доступ к образованию, соответственно, сфера услуг, бытового обслуживания и пр. стала недоступна. Кстати, это сохраняется во многих сельских населенных пунктах до сих пор. Исключение из социальной политики сопровождается и центробежными тенденциями в области местной и региональной политики. В течение всего периода кризиса политических институтов (1991 – 2000 гг.) население этно-территориальных образований в сельской местности было в высокой степени ориентировано на изоляционистский тип развития местного самоуправления.

Причем, нередко шаги, предпринимаемые самим населением в этом направлении, оказывались успешными и имели своим результатом повышение изолированности местных сообществ, и как следствие, более успешное решение местных вопросов. Эти тенденции наблюдались, впрочем, повсеместно в сельской местности и не были специфичны для национальных регионов, однако, здесь они приобретали националистическую окраску. Стремление к росту автономизации и изоляционизма сельских местных обществ встречали постоянное противодействие со стороны федеральной, и особенно, региональной власти. В то же время, городское население не демонстрировало никакой тяги к развитию местного самоуправления, а изоляционистские тенденции практически не были зафиксированы.

Третий тезис – государственная политика должна учитывать особенности территориальной поляризации населения регионов. Мы должны признать, что если городское население интегрировано в экономику страны и находится в сфере государственной социальной политики, то сельское население в своей массе в продолжение почти всего новейшего периода истории находится, во-первых, вне экономики, во-вторых, вне социальной политики, в-третьих, вне государственного строительства, таким образом, оно находится «вне государства». Абстрагируясь, можно сказать, что в структуралистском смысле две группы населения, особенно в этно-территориальных образованиях, «прозрачны», взаимно невидимы друг для друга. Горожане и селяне живут в разных социальных мирах, образованных разными физическими, социально-экономическими и политическими реалиями. Проблема обострена тем, что размежевание таких групп регионов этнически окрашено, и сопровождается значительным социальным диспаратом. Следовательно, разработка федеральных, региональных и местных стратегий социального развития региона должна осуществляться с учетом вот этих особенностей выраженной поляризации населения. Очевидно, что любые программы развития регионов должны максимально учитывать существующую дифференциацию по этническим, селитебным, хозяйственно-экономическим признакам, чтобы они могли рассчитывать на какой-либо успех. Это должно относиться к адресному максимально конкретному определению объектов социальной политики, так и к адресному выбору роли региональных акторов устойчивого социального развития.

Наконец, последний, четвертый тезис – какие конкретные задачи государственного и муниципального управления в регионах с поляризацией населения мы могли бы осуществлять уже сейчас? Я бы предложил три взаимосвязанных задачи, каждая следующая вытекает из предыдущих – первое: акцент на развитие местного самоуправления. В нынешних условиях реальное развитие местного самоуправления в стране, и не только в стране, и в других государствах, возможно при двух обязательных условиях – первое, наличие значительной изоляции местного общества, причем, это может быть относительная изоляция (например, только что я был в поселке Рыбачий на Куршской косе Калининградской области, там изоляция около 40 км), но она способствует более активному развитию местного самоуправления. И второе, наличие руководителя с выраженными лидерскими качествами, прежде всего, моральными, затем, интеллектуальными и, в третьих, профессиональными качествами. Без таких руководителей, как показывает мой опыт полевых исследований в течение более 20 лет, практически реализация местного самоуправления невозможна, так как все подавляется извне. Следовательно, наибольшим успехом будет пользоваться политика поддержки местного самоуправления именно на уровне местных сообществ коренных малочисленных народов. Вторая, вытекающая отсюда, задача предполагает отказ от политики выравнивания различий, которая на местном уровне и так только лишь декларируется. И переход к политике обмена – это предоставление возможностей, а не дотаций. Это приобретение специфических ресурсов и услуг, которые могут быть предоставлены местным обществом, а не предоставление ему субвенций. То есть обмен

ресурсами, разного рода, даже разного типа. А не кормление всегда готовых поглотить без всяких последствий для себя местных обществ. Третья задача, вытекающая из второй, решение этих задач в совокупности возможно при государственной поддержке развития прежде всего, экологически ориентированной экономики. Экономики, которая выстраивается на экологически обоснованном хозяйствовании. Эта экономика может выстраиваться на основе как таких видов деятельности, которые обычно называются традиционное природопользование и что еще перспективнее, обмене рекреационными услугами между местным обществом и внешней средой. Спасибо за внимание!

Т.Ю.Семенова:

Большое спасибо за Ваш доклад! Если есть какие-то вопросы, пожалуйста!

О.А.Мурашко: У меня такой вопрос: в каком законодательном пространстве Вы предполагаете такое развитие и реализацию ваших идей обмена ресурсами? Может быть, где-то и имеются условия, но в нашем законодательном пространстве, где ресурсы отнимаются у людей без всякого на то их согласия, чем они могут обмениваться? И рекреационные ресурсы им не принадлежат, и, если по-Вашему, не надо им получать льготы и субвенции, то как они могут обмениваться, если они не имеют право ни на что.

Ответ: Почему же не имеют права? В составе муниципалитетов они, являясь собственниками, могут распоряжаться ресурсами природными, а часть природных ресурсов может принадлежать муниципалитетам в соответствии с законом.

О.А.Мурашко: Вот тут моя коллега меня поддерживает и спрашивает – а при чем тут муниципалитеты?

Ответ: У нас сейчас все население живет в муниципалитетах. И только там, где есть руководители, которые удовлетворяют как раз второму критерию – умелому руководству, профессионализму и морально-этическим качествам, там муниципалитеты становятся ядрами местного развития. Например, в Новосибирской области из 40 руководителей только один удовлетворяет этому критерию, к сожалению. Но в Камчатском крае, наверное, иное соотношение. Но, вообще говоря, поскольку мы можем развивать наше местное самоуправление в рамках сельских и городских муниципалитетов и основываемся на законодательстве, которое предоставляет муниципалитетам много возможностей, у меня есть примеры сельских поселений в Республике Алтай, где достаточно эффективно местное развитие, и если они не подвержены воздействию из регионального центра, прежде всего, они успешно решают социальные проблемы. У меня не такой пессимистический взгляд как у вас.

О.А.Мурашко: Вот не стану называть, но возьмем северный муниципалитет, которым руководит человек с украинской фамилией, который там находится несколько месяцев в году, и вот Ассоциация туда приезжает, говорит - давайте организуем территорию традиционного природопользования в соответствии с законом, а там оленеводство ведут более 700 частных хозяйств, причем в районе всего-навсего три поселка. И вот этот товарищ без всяких колебаний отвечает – никаких ТТП в нашем районе организовано быть не может, потому что наша территория является территорией стратегического развития Газпрома.

Ответ: Но вообще говоря, решение о его полномочиях лежит на населении. Все достаточно просто решается, если население достаточно ответственно. Я могу привести целый ряд примеров из якутских сельских поселений, где на фоне других негативных примеров, некоторые проблемы решаются просто превосходно.

С места: Правильно Ольга Ануфриевна (Мурашко) сказала - оленеводы кочуют, и уже несколько лет мы не участвуем ни в президентских, ни в региональных, ни в каких

выборах. Потому что как раньше, при Советской власти, вертолеты не летают, и выборы только для тех, кто сидит на месте в городах. А как нам выживать без дотаций? Если нам эти субвенции, субсидии не дадут, то выжить оленеводу просто невозможно.

Ю.М.Плюснин: При рентабельности оленеводства 95% невозможно выжить? Пример села Тополиново, где я работал много лет, вы же помните Вашего руководителя совхоза, орденоносца? Теперь его нет, но когда он был, рентабельность была 95-97%.

С места: Оленеводство и рыболовство никогда не были рентабельными! То, что было в прошлом веке, сейчас уже не годится.

Т.Ю.Семенова:

Мне хотелось бы предложить послушать еще доклады, ведь у нас программа семинара не закончена, а потом на круглом столе мы продолжим дискуссию. Действительно, много вопросов острых, но я все-таки хочу подчеркнуть, что люди, которые выходят с выступлениями на семинар, пытаются объяснить те действия, которые они проводят, и нужно вслушаться в то, что говорят исследователи. Каким бы спорным ни казался вывод или тезис, он основан на конкретных фактах, на фактических данных и надо постараться вдуматься в него, сделать правильные выводы, которые изначально не принимаются во внимание или вызывают разногласия.

Следующий докладчик **Сморчкова Вера Ивановна** из Российской Академии госслужбы, к сожалению, она заболела вчера, но она прислала свой доклад, и я если Вы не возражаете, в конце нашего семинара его зачитаю. А сейчас приглашаю Новикову Наталью Ивановну из Института этнологии и антропологии Академии наук с докладом «Юридическая антропология в России».

Н.И.Новикова:

Я хочу привлечь ваше внимание к тому исследовательскому методу, который применяется нами при изучении современных проблем коренных народов Севера, и, может быть, будет интересен для кого-то еще. Предыдущий докладчик говорил об экономических подходах к ситуации на Севере, как я поняла смысл этого выступления. И мне кажется, что нам очень не хватает экономистов, которые бы работали в секторе реальной экономики традиционного природопользования. Может быть дискуссионный характер этого доклада приведет к тому, что кто-то займется этой проблемой. Потому, что как я понимаю, традиционное природопользование не должно быть исключено из государственной экономики, хотя де-факто оно именно исключено.

Юридическая антропология подходит к изучению правового бытия людей, того, как мы живем в соответствии или противоречии с законами, исходя из того, что все мы подчиняемся различным правовым режимам. Мы живем в государстве, естественно, все нормы государственного права для нас являются основными. Но есть государства, в которых существует более гибкая система взаимодействия, например, традиционного или религиозного права с государственным правом. В нашей стране, хотя государственное право и законы являются основным, и практически, единственным источником права, тем не менее, наша правовая система довольно давно (с 1999 года) допускает учет традиций и обычаев народов в различных сферах правового регулирования. Это обстоятельство, к сожалению, для меня и моих коллег, которые занимаются этими проблемами, очень слабо используется движениями и общественными организациями коренных народов. Я хотела бы привлечь ваше внимание к тому, как эти правовые знания и практики коренных народов могут быть использованы для защиты их прав на традиционный образ жизни и на традиционное природопользование.

Второй момент, к которому я хочу привлечь ваше внимание, это то, что юридическая антропология исходит из практической равноценности всех субъектов, которые действуют в правовом поле, которое мы изучаем. То есть мы подходим с одними и теми же мерками, с одними и теми же вопросами, как к представителям коренных народов, так и к промышленным компаниям. Я провожу исследования в Ханты-Мансийском автономном округе, и там нефтяники стали очень важной частью поля юридической антропологии и изучения коренных народов. В округе в деревне Половинка Кондинского района есть интересный музей под открытым небом, созданный Анатолием Николаевичем Хомяковым, он посвящен культуре манси (А.Н. Хомяков – манси, как и его жена, которая работает вместе с ним). Музей открыт уже довольно давно, там стоят традиционные жилища, сделан забор и дети учатся плавать на обласках, ловить рыбу, делать украшения из бисера. А несколько лет назад его создатель предложил поставить в музее нефтяную вышку, потому что в современных условиях Ханты-Мансийского округа вы почти не увидите стойбище без объектов промышленного освоения. Сегодня это факт. Аборигены вынуждены сосуществовать с нефтяниками. Кстати, я под словом «aborigены» имею в виду представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, только в таком контексте я использую этот термин. Аборигены вынуждены сегодня жить на землях, которые до принятия нынешних законов, защищающих их права, были заняты промышленным освоением. И этот факт привел к неравному положению. Надо сказать, что юридическая антропология исходит из того, что право – это формальное равенство, свобода и справедливость, по определению В.С. Нерсесянца. Мы в своих исследованиях исходим из такого правопонимания и поэтому наш подход к осуществлению паритета между коренными жителями и добывающими компаниями должен строиться именно на восстановлении формального равенства между ними. Очень часто говорится о том, что коренные ничего не производят, только хотят получать льготы, всякие там субсидии, деньги от нефтяников.

Но политика государства по предоставлению определенных преференций для коренных народов направлена как раз на достижение их равенства с другими субъектами права. И в разных странах предлагаются различные модели установления отношений коренных народов с органами власти или промышленными компаниями.

Вот сегодня Сергей Александрович (Арутюнов) приводил пример Дании, где Гренландия занимает особое положение и географически, и политически, но уровень жизни ее населения значительно ниже, чем в других районах Дании. Тем не менее, это очень интересный пример, потому что они пошли по пути предоставления максимального самоуправления. Сегодня уже в руках гренландцев находится их судьба и надо сказать, что гренландцы старательно ищут нефть, и когда я там была, я слышала, что выход из ситуации они видят скорее не в зверобойном промысле, а в добыче полезных ископаемых. Это будет их выбор, потому что их парламент на девяносто с лишним процентов состоит из местного населения. В нашей стране примеров реального самоуправления коренных народов очень мало, вот коллега, который делал доклад до меня, он, наверное, подметил верно, что особенно важны экономические исследования и экономические показатели. Говоря о достижении паритета, мне хочется привести пример – Поронайский район Сахалинской области, где, благодаря созданию очень сильного общественного территориального самоуправления, местные рыболовецкие хозяйства вышли на уровень зарплаты, сопоставимый с уровнем зарплаты в рыболовецких промышленных предприятиях. Именно самоуправление позволило им достичь таких успехов, хотя, конечно, нельзя забывать о правовой политике и успешном взаимодействии с органами власти.

Я хочу показать, как юридическая антропология как метод работает при изучении ситуации в Ханты-Мансийском округе. Для нас уже стало аксиомой, что Ханты-Мансийский округ является наиболее успешным не только в промышленном развитии, но и в решении проблем коренных народов. Как в каждой стране, если мы приедем в Данию

или Норвегию, Финляндию, любую страну и скажем, что мы думаем, что «у вас идеальная модель, мы приехали на нее посмотреть», обычно мы услышим: «да что вы – у нас столько проблем!». Идеальную модель невозможно создать. В ХМАО, наверное, просто опыт очень большой. Нефтяное освоение там уже более 40 лет, и коренные народы были вынуждены начать отстаивать свои права раньше, чем в других субъектах федерации, потому что они столкнулись с этой проблемой. Интересно, что основоположниками и первыми авторами «Положения о статусе родовых угодий» стали сами аборигены. Мне кажется, что этот документ представляет большой интерес, несмотря на то, что он сегодня в полной мере уже не действует. Приняты законы, которые что-то взяли из него, а от чего-то отказались, но важно отметить, что в этом «Положении» нашло отражение аборигенное правопонимание, аборигенные нормы обычного права, там нигде нет слов «правовой обычай» или «обычное право», но вся идеология этого документа построена на понимании традиционного природопользования. Мне кажется, что другим документом, который может быть также высоко оценен с этой точки зрения – федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Мы сталкиваемся с тем, что очень многие юристы, воспитанные в позитивистском духе, просто не могут понять, что этот закон регулирует публичные отношения, что в нем говорится не о каких-то участках земли, на которых будет построен садовый домик и которые могут быть проданы, а о больших территориях, на которых аборигены приобретают право контроля за их использованием. Мне кажется, что в этом законе это самое важное. Возвращаясь к региональным практикам, нужно сказать, что в ХМАО существует закон «Об изъятии и предоставлении земельных участков на территории Ханты-Мансийского автономного округа», где прописан договор между недропользователями и коренными народами. У меня сегодня сложное положение, потому что всю свою научную деятельность я строю на том, что выступаю с критикой политики властей в ХМАО, но мы можем критиковать эту политику именно благодаря тому, что существуют эти правовые нормы. И мы можем сравнивать реальную политику с этими правовыми нормами. Насколько я представляю, в очень многих субъектах федерации нет такого образца, и поэтому ситуацию вообще очень трудно анализировать. В ХМАО много говорят об успешности договорного процесса и, конечно, много делается, но надо отметить, что не всегда эти обязательства исполняются, причем, именно со стороны нефтяных компаний, а не аборигенов. Эта проблема очень острая, и хотелось бы, чтобы этот опыт использовался не просто так, а исходя из того, какая практика сложилась, что можно и нужно улучшить в этом законодательстве для того, чтобы в других субъектах федерации оно было применимо. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что сами аборигены могут очень часто объяснить, как должно вестись природопользование на этих территориях. К сожалению, власти и компании не всегда прислушиваются к ним, поэтому традиционное природопользование превращается не только в их право, но и в обязанность, и они много должны делать сами для защиты своих прав. И в этом смысле тоже не соблюдается формальное равенство, потому что мы все, живя в городах и получая зарплату, имея работу и комфорт, ждем, что нас защитят правоохранительные органы, прокуратура, суд и так далее, а аборигены часто должны быть правозащитниками, причем если учесть природоохранное значение их ресурсов для всего человечества, они делают это не только для себя.

Еще я хотела бы привлечь ваше внимание к корпоративному обычному праву нефтяников. Для меня было бы очень интересно узнать, что кто-то заинтересовался этой темой, я пока не знаю подобных работ. Я изучаю компанию ЛУКОЙЛ, а хорошо бы иметь сравнительный материал по другим компаниям. В ЛУКОЙЛе существует очень четкое корпоративное право, которое регламентируется не только на уровне устного обычного права, но приняты специальные документы, которые регламентируют внутреннюю деятельность этой компании и деятельность по отношению к другим субъектам права. Ведь мы рассматриваем обычное право в современных условиях, не только как право,

которое регламентирует жизнь внутри узкого сообщества (надо сказать, что есть механизмы обычного права для разрешения конфликтов внутри общин, при которых не нужны чужие люди или специалисты, которые будут разрешить эти конфликты), но и такое право, которое выступает регулятором отношений между нефтяными компаниями и коренными народами. В этой сфере мы сталкиваемся с интересным явлением. В 2004 году компания ЛУКОЙЛ подписала глобальное соглашение с глобальной профсоюзной федерацией. Эта федерация объединяет во всем мире людей, работающих в химической, горнодобывающей промышленности и энергетике. Это такой профсоюз, но с более четкими внутренними правилами. После подписания соглашения, компания взяла на себя обязательство выполнять нормы международного права, независимо от того, как страна, где они работают, прописала это в своем законодательстве. Этот документ особенно важен для тех, кто знаком с этой проблемой, и на ум сразу приходит Нигерия, потому что в этой стране работают транснациональные компании, при этом национальное законодательство не соответствует нормам международного права. Компании взяли таким образом на себя добровольное обязательство не подчиняться законам страны, если они ниже, чем международные стандарты. Часто когда компании приходят на Север, они говорят, что выполняют ваше законодательство, и больше ничего делать не должны. Благодаря тому, что есть документы, которые добровольно приняты компаниями, создаются новые средства защиты прав коренных малочисленных народов. Спасибо за внимание! Я передаю также некоторые книги из серии «Исследования по юридической антропологии» и издания «Этноконсалтинга» в библиотеку Вашего института.

Т.Ю.Семенова:

Спасибо! Все, кто захочет посмотреть книги и брошюры, они будут вот здесь на столе лежать во время нашего семинара. Если есть конкретные вопросы к докладчику, пожалуйста!

П.А.Филин: Вот по поводу субъекта договора в ХМАО – кто субъект в этом договоре? С одной стороны, это понятно, компания, а с другой стороны – кто?

Ответ: В ХМАО закреплено более 500 территорий традиционного природопользования регионального значения, и во главе каждой этой территории стоит глава семьи или глава общины. Именно он подписывает соглашение с компанией. Что важно подчеркнуть в сравнении с новым законопроектом, который сейчас готовится в Госдуме, это обязательно трехстороннее соглашение – между компанией, коренными народами и органами местного самоуправления (в ХМАО – это органы власти района).

Ю.С.Захаров: Вот тут приводились восторженные примеры из опыта Гренландии, но я считаю, что они не имеют такого уж значения для нас. Потому что они сами там со своими проблемами не справляются. А Ваше мнение?

Ответ: Я имела возможность там немного поработать, и согласна, что серьезные проблемы у них есть. Я согласна с Вами, что образцов идеальных нет. Мы можем посмотреть на эту практику, как на модель, а сами должны создавать свою собственную.

Т.Ю.Семенова:

Спасибо большое! У нас есть следующий докладчик – это Павел Филин, он в общем продолжает эту тему. У него доклад по международным и российским стандартам социальной оценки промышленных проектов.

Филин П.А.:

Большое спасибо за предоставленную возможность выступить на этом семинаре. Я являюсь сотрудником данного Института, но одновременно представляю сегодня

результаты сотрудничества с другой организацией – она называется «Центр по экологической оценке «Эколайн», это некоммерческое партнерство, но оно занимается и консалтинговыми услугами по экологической оценке, экологическому аудиту, профилактике социально-экологических конфликтов, проведением общественных обсуждений и консультаций с общественностью. Через Центр проходит достаточно большое количество проектов, в том числе проектов, которые так и или иначе связаны с территориями проживания коренных малочисленных народов. Я перечислю некоторые из этих проектов – во всех них мы участвовали, выполняя полный комплекс оценки как по российским, так и по международным требованиям. Один из самых крупных – это Богучанская ГЭС, мы составляли план переселения до 5000 человек, и два плана для Иркутского и Красноярского края. Также делали оценку проекта «Коми-Алюминий», это был полный цикл как ОВОС, так и международные стандарты. Делали оценку проекта «Майский» на Чукотке, участвовали в проекте «Купол», ряд проектов в горнорудной промышленности. Один из проектов свежий – я вчера прилетел из Мурманской области, где одна из горнодобывающих компаний планирует развивать свою деятельность. В связи с этим я хотел бы представить в общих чертах то, что составляет основные проблемные зоны: первое – давно наболевший вопрос о соотношении социальной и этнологической экспертизы. В рамках деятельности Центра Эколайн я как раз занимаюсь социальной экспертизой, социальной оценкой. И в рамках данного доклада хотел бы представить, что такое социальная экспертиза и как она соотносится с этнологической. Немного поговорим о процедуре оценки, и о том, как она видится на современном этапе. И о современном законодательстве о коренных народах в применении к инвестиционным проектам, в частности, что дает российское законодательство для реализации инвестиционных проектов, их внедрения и последствий реализации для коренных народов.

В нашем законодательстве ситуация достаточно сложная – оно интенсивно меняется, буквально за последний год фактически разрушена государственная экологическая экспертиза, рядом поправок в действующие законы историко-культурная и экологическая экспертизы были сведены в некую государственную экспертизу при Росстрое, что это такое, мы пока не совсем понимаем, сейчас какие-то проекты уже пошли через эту новую экспертизу и, по слухам, они не достаточно эффективно разрешаются. Создается некое агентство, которое должно заниматься этой экспертизой, но весь этот процесс очень непрозрачно идет. Как все это будет выглядеть, пока неясно. Тем не менее, полезно вернуться назад, чтобы посмотреть как была устроена эта экспертиза. А устроена она была, в общем, неплохо, особенно, в тех местах, где имелись запретительные процедуры. Сейчас мы оказались отброшенными на два шага назад, посмотрим, как будет дальше работать новая государственная экспертиза, но пока весьма странная ситуация сложилась. В свое время в целях развития федерального закона «Об экологической экспертизе» было принято «Положение об оценке воздействия на окружающую среду» – его также много критиковали, но Положение совсем неплохое. Если внимательно и дотошно следовать тому, что там написано, там прописаны все моменты, в том числе и этнические. Давайте прочитаем этот слайд: «Материалы по ОВОС должны быть научно обоснованы и т.д. и в том числе с учетом социальных и экономических факторов». Эта формула повторяется очень часто в «Положении об ОВОС». Собственно говоря, по-моему, в эту формулу укладывается вся этнологическая экспертиза. Может быть, не нужно было изобретать велосипед – и вот что я еще хотел сказать по поводу этнологической экспертизы – к сожалению, часто возникает путаница между экспертизой и оценкой.

Нет четкого понимания, как была устроена процедура экологической экспертизы как явления и процедуры в целом. Был ОВОС – этот том прилагался к проектной документации, ОВОС делали за счет денег компании, при полном контроле компании, экспертами, которые оплачивались компанией. Далее этот том, который фактически делался компанией и экспертами, нанятыми на ее средства, подавался на государственную экспертизу, где уже экспертный совет в составе государственных независимых экспертов

(которые оплачивались тоже деньгами компании, но при посредничестве и по расценкам государства) рассматривал и выносил решение по экспертизе проектной документации, в том числе, что будет с проектом – реализация, доработка и реализация с изменениями или запрет на осуществление и так далее. Я видел несколько проектов «Закона об этнологической экспертизе» и там было полное смешение процедур по оценке и экспертизе и понятий ОВОСа и экологической экспертизы. При утверждении такой закон не смог бы реально работать, на мой взгляд, поскольку он вступал в свои внутренние противоречия. К какой из частей процедуры относился этот закон об этнологической экспертизе – то ли к ОВОС, то ли к экспертизе этого ОВОСа, неясно. Здесь надо четко это представлять.

Сейчас, когда законодательство меняется, вышло два новых постановления. Первое, в прошлом году – «О порядке проведения государственной экспертизы». В этом постановлении ни слова не сказано ни об ОВОС, ни об экологической экспертизе, там сказано только о соответствии техническим и экологическим регламентам. После того, как ввели это Постановление, у компаний встала дилемма, а что делать? ОВОС нужен или не нужен, и компании, поразмыслив, решили, что ОВОС надо делать, и стали продолжать эту практику, потому что ОВОС официально никто не отменял пока. Но ОВОС подавать сейчас просто некому, никто его не будет рассматривать. Все равно его делают, потому что могут через пару лет прийти из каких-то органов и сказать, а почему не стали делать обязательную и не отмененную по процедуре документацию? Его продолжают делать по накатанной дорожке, но что дальше будет, никто не знает. Но недавно 16 февраля 2008 года появился еще один новый документ, который нам очень интересен. Называется он «О составе разделов проектной документации и требования к их содержанию». Документ, в котором появилась очень знаменательная формулировка – в составе проектной документации должен содержаться раздел результатов оценки воздействия на окружающую среду. Что такое эти 'результаты ОВОС' тоже пока никто не знает, потому что в процедуре ОВОС и в экологической экспертизе термин «результаты ОВОС» нигде не применяется. Там говорится о материалах оценки, но что надо подавать теперь в этот раздел – справочку об ОВОС или что-то другое, пока непонятно. И там есть еще одна фраза, которая может быть продвинет законодательство и по коренным народам. При подаче раздела результатов ОВОС должна быть представлена также документация в виде проекта мероприятий по охране окружающей среды, включая расчеты компенсационных выплат. Прямо так и написано, хотя методическая часть в этом направлении у нас толком и не разработана. Но в постановлении правительства такие две формулировки недавно появились. Соответственно появились и предпосылки для продвижения этнологической экспертизы. Я сам лично против такой экспертизы, считаю, что это сужение и снижение требований социальной экспертизы.

Социальная экспертиза это не наше изобретение, есть устоявшаяся международная формула (social impact assessment), принятая со всем мире и понятная компаниям. Если мы до этнологической экспертизы все это свернем, то никакой комплексной оценки мы не получим, разумеется. Но в развитие этого последнего Постановления ходят слухи, что формируется агентство по осуществлению технологической экспертизы, и в рамках этой экспертизы как раз может нужно попытаться создать институт экспертов, которые могут делать экспертизу на предмет социальной оценки. Понятно, что там будут ученые-естественники, гидрогеологи, географы и прочее, но было бы просто здорово, если бы появились и люди или целая группа по социальным наукам.

Да, и еще одно важное обстоятельство: в новом Постановлении нет ни слова об историко-культурных оценках объектов, просто ни слова! Если раньше требовался том в составе проектной документации по сохранению историко-культурного наследия, то теперь такого тома или материалов по новому Постановлению просто нет. Ситуация для меня лично просто тревожная – что будет с культурным наследием, если мы захотим раскопать, к примеру, огромный горно-обогатительный котлован? Ну, а сейчас можно в принципе

продвигать идею социальной оценки в рамках нового органа (агентства) и наполнить его культурологами, этнологами и пр.

Таковы на сегодняшний день российские требования, они и всегда были не ахти какие строгие. ОВОС всегда делался как бог на душу положит, и только в конфликтных ситуациях можно было его как-то более активно использовать, даже доходить до социальной оценки, которая всегда помещалась именно в том ОВОС.

Гораздо больше внимания уделяют социальной оценке международные стандарты. Что такое вообще международные требования? Если какая-то компания решила добывать ресурсы на территории например, Мурманской области и у нее не хватает денег для того, чтобы развивать свою деятельность, она планирует взять кредит у международного Банка, такого, как Всемирный, или Европейский Банк реконструкции и развития и международные финансовые корпорации. Все эти банки имеют свои собственные внутренние политики о том, что если они финансируют какой-то проект, то компания обязуется следовать этим политикам. Международный проект должен быть минимально чистый и социально ответственный. Несколько лет назад появилось новое явление, так называемые «экваториальные принципы». Это то же самое что и стандарты МФК, но в применении к большому количеству банков. Для чего это делается? Для того, чтобы эффективно управлять своими финансовыми рисками. Но есть политики и есть стандарты деятельности, и часто путаница в понимании, что это означает на практике. Политика, это то, что декларирует Банк, например, «мы поддерживаем коренные народы», или «мы не поддерживаем грязные производства». А стандарты деятельности – это то, что банк обязует делать компании, которых он финансирует. Это в том числе то, что компании должны выполнять при подготовке проектной документации и при ведении хозяйственной деятельности.

В рамках этих стандартов деятельности есть известный стандарт деятельности номер 7 «Коренное население». На что нужно обращать внимание в этом стандарте? Это участие общественности, причем половина этого стандарта об этом в принципе говорит – о консультациях, в какое время и как их проводить, сколько и т.д. Есть еще и руководство или пояснительные записки к этим стандартам по проведению этих мероприятий. Второй момент – необходимо провести всестороннюю оценку воздействия, включая те сообщества, которые попадают под воздействие. Третий пункт – это подготовка плана взаимодействия и разработка компенсационных мер. Здесь нужно показать, какие выгоды может получить местное сообщество при реализации данного проекта.

Я присутствовал на одном из семинаров по разработке таких планов. Он проходил в Стамбуле и там возникла очень интересная дискуссия по поводу, кто коренной, а кто не коренной, такой острый и старый вопрос. Но вопрос большой и чувствительный, особенно это было видно в Турции, где коренные народы - курды, армяне и греки, а остальное и основное население – турки. Из опыта наших проектов (мы завершили экспертизу проекта Коми-Алюминий) такая политика открытого обсуждения вопроса о коренных иногда вносила в местное сообщество большую смуту. Есть коренное население, и есть некоренное население, живут они примерно одинаково, а получается, что для коренного населения необходимо делать план компенсаций, а для остальной части такой или какой-либо другой преференции вообще не предусматривается. Такая же ситуация возникла на Сахалине, там «indigenous development plan» разрабатывался для коренных народов, а рядом живут русские, украинцы и прочие, и им никаких планов или компенсаций нет. Диалог двух учительниц – одна коренная, другая некоренная, всегда жили мирно, а теперь вынуждены что-то делить. В ответ на такие проблемы теми же корпорациями теперь предлагается разрабатывать «community development plan», а не «indigenous development plan». И уже внутри такого плана можно структурно выделить особо уязвимые группы населения с особыми преференциями.

Последний вопрос, который я хотел бы с вами обсудить – это соотношение как раз международных и российских требований к оценке воздействия. В российском

законодательстве практически ничего не сказано о том, что говорится в международных политиках и стандартах. Они просто живут в разных содержательных полях. Заметно, что российское законодательство практически никак не помогает ни компаниям, приходящим на территории коренных народов, ни самим коренным народам наладить диалог и взаимодействие.

Например, взять участие общественности в этом процессе - я специально внимательно просмотрел Закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов». Там ни слова не сказано об участии общественности, ни разу не упомянута эта процедура. Другая проблема – нет методик по оценке традиционного природопользования, правда, только что появилась методика для расчета ущербов по выпасам. Насколько я знаю, Ольга Ануфриевна (Мурашко) участвовала в составлении этого документа. Методика не утверждена, но для компаний это уже что-то. Точно также это касается разработки плана взаимодействия с сообществом. Положение о компенсации, таким образом, в российском законодательстве практически отсутствует.

Я хотел бы закончить дискуссионным вопросом – насколько наше российское законодательство способствует налаживанию диалога с населением? Я только что вернулся из Мурманска, где возникла сложная ситуация – наше законодательство рассчитано на работу с бюджетом, а не с инвестициями. А проекты, и очень мощные, придут и будут запускаться в регионах – например, в Мурманской области предлагается 20 крупных проектов, на Чукотке принята стратегия развития промышленности. Поэтому если мы будем сдвигать наше законодательство в сторону международных требований, мы сможем помочь и компаниям, и коренным народам. И не будем зависеть напрямую от бюджета, которого всегда не хватает. Это такое дискуссионное окончание моего выступления.

Т.Ю.Семенова:

Спасибо, Павел. Пожалуйста, вопросы!

Ю.Я.Якель: Вы все время говорили об ОВОС, но при этом так, как будто в РФ такое законодательство уже не действует, это Ваше такое мнение или вы на что-то опираетесь?

Ответ: Нет, я как раз говорю, что все компании делают ОВОС, но правовой основы нет сейчас для этого. В закон об экологической экспертизе внесены поправки и оттуда изъята проектная документация по ОВОС как объект экспертизы. Новые документы – это Положение об экспертизе и изменения в Федеральном законе.

Ю.Я.Якель: Что же Вы хотите сказать, что положение об ОВОС в настоящее время не работает? Я думаю, что Вы вводите нас в заблуждение, потому что мы вчера были на слушаниях по ОВОС, у нас на Сахалине все проекты прошли ОВОС, и все они проводятся в рамках государственной экспертизы.

Т.Ю.Семенова: Давайте вы эти вопросы обсудите после заседания, потому что Филин ссылается на определенный документ, вы можете вместе его посмотреть и решить, насколько ситуация изменилась. Доклад сделан на основании практических действий и применения действующего законодательства, в том числе новых изменений в него, поэтому вы можете их обсудить более подробно. Хорошо, еще один вопрос.

Ю.Я.Якель: Если социально-экономические последствия и уходят из ОВОС как глава, то общественные слушания никто не отменял.

О.М.Мурашко: Некоторые регионы даже издали свои постановления об обязательной этнологической экспертизе, и в частности, на Сахалине мы используем это Положение. А Ваше выступление звучит как дезинформация, тем более что вы только упомянули о

таком важном инструменте как общественные слушания, а именно через них можно проводить требования оценки воздействия на среду обитания и традиционное природопользование. Вы толковали законы, а мы их используем в своей практике.

Т.Ю.Семенова:

Дело в том, что и сам Павел Анатольевич (Филин) очень много на практике сделал для организации общественных слушаний в регионах. Давайте поблагодарим его за выступление, у нас есть еще один доклад и небольшое выступление перед перерывом. Светлана Анатольевна Долматова будет делать доклад «Проблемы устойчивого развития и угроза глобального потепления: вызовы для коренных народов России».

С.А.Долматова:

Вторую часть нашего заседания предварил представитель Ямала и насколько я поняла его выступление, надо решать проблемы коренных народов. Но в целом эти проблемы не будут решены системно, если не будет решена проблема развития в мировом глобальном масштабе, потому что сейчас человеческая цивилизация находится в глубоком тупике, фактически наступает очень серьезный кризис. Мы слышим сейчас, что надвигаются и финансовый, и экономический кризисы, многие беспокоятся о том, с чем мы можем столкнуться вообще, и поэтому весь пафос моего выступления сейчас будет направлен на то, что надо находить общий выход из этого системного кризиса, и в этом общем выходе будет найдено решение и для коренных малочисленных народов. Я повторю название своего доклада, потому что каждый из терминов в нем имеет свое значение, и я хочу обратить на них внимание. Мой доклад называется «Проблемы устойчивого развития в условиях глобализации и угрозы глобального потепления: новые вызовы для коренных народов России». Тот общий интерес, который нас тут с вами объединяет дает мне основание предполагать, что аудитория в большей или меньшей степени имеет представление о каждом из этих терминов – что такое устойчивое развитие, как оно претворяется в жизнь, что такое глобализация, как она влияет на нашу жизнь, и что такое глобальное потепление, как оно возникло и проявляется. Но вместе с тем я считаю, что каждое из этих понятий требует уточнения, причем аргументы, которые я хочу привести, должны показать, что мы можем радикально поменять наше представление об этих понятиях.

В обычной жизни мы, как правило, получаем информацию не из первоисточников, а через посредников, и когда до нас она доходит, мы получаем о ней такое трансформированное представление, настолько измененное, что на выходе теряется сама сущность проблемы. Есть такая детская игра «испорченный телефон», и она может смоделировать этот процесс – что на входе часто никак не напоминает о том, что получается на выходе. После цепочки игроков мы знаем, до какого абсурда можно дойти. И вот я хочу показать, что происходит, в частности, с теми понятиями, которые стоят в названии доклада. И это уточнение понятий, их первоначальное значение должно позволить выработать общее видение и в целом для нашего общества, и для коренных народов, и это должно усилить их переговорные позиции, а сейчас это очень актуально, вы знаете, что в связи с новыми политическими установками на смену курса от сырьевой ориентации нашего развития на инновационный, проходят очень серьезные дискуссии в научных сообществах. Министерство экономического развития и торговли (МЭРТ) сейчас разработало проект, который эксперты коротко называют «двадцать-двадцать», это план с 2008 по 2020, по сути концепция перехода от сырьевой ориентации к инновационной. И наш Институт ИМЭМО РАН буквально на этой неделе получил задание все это быстренько обдумать, хотя это серьезнейшая проблема. Лично я давала свои предложения по отстаиванию страной своих интересов в Арктике, и мои предложения лежат в русле сегодняшнего доклада. Не знаю,

насколько мои предложения попадут в окончательный доклад нашего Института, и тем более сомневаюсь, что это может быть учтено МЭРТом. Но я считаю, что если коренные народы включатся в этот процесс и в эту задачу – полностью поменять идеологию развития, нужно менять мировоззренческий подход – то во всяком случае мы сможем найти серьезную поддержку в мировом сообществе, и это в наших общих интересах.

А теперь по сути. Почему еще мы должны изменить свои позиции в отстаивании своих интересов? Как вы знаете, в ноябре 2007 года Нобелевский Комитет присудил премию Альберту Гору за исследования глобального потепления и межправительственный комитет по изменению климата в заключении, которое признано экспертным сообществом, твердо и без всяких сомнений заявил, что причины глобального потепления – антропогенные, то есть это влияние хозяйственной деятельности человека. Киотский протокол, рамочная Конвенция, была принята еще в 1992 году и генеральный секретарь ООН Пак Ги Мон проводит очень активную политику по тому, чтобы привлечь руководство стран к изменению самой тенденции развития, к переходу на рельсы зеленой экономики. Все эти меры разрабатывались еще в 1960-1970-х гг. перед конференций в Рио-де-Жанейро.

Возникает серьезный вопрос – почему столько лет прошло и опять возвращаются к этой же идее? Почему делаются уступки по отношению к коренным народам в части законодательной, когда уже на каждом стойбище стоит по нефтяной вышке? И сейчас очень серьезные глобальные изменения произошли во всем мире, и сейчас возвращаются к тем же самым вопросам, которые были поставлены в 1992 году. Почему так произошло? Все 90-е годы, когда началась глобализация, «глобализация» - это такое понятие, под которым целый комплекс проблем подразумевается, но пафос глобализации был в том, что она может нести очень широкие возможности во все уголки мира и давать возможности сообществам, частным гражданам получать плоды западной цивилизации, достижения и высокого уровня стандартов потребления. Глобализация стала проходить активно именно тогда, когда страны бывшего социалистического лагеря вошли в мировое рыночное хозяйство и, казалось бы, эти 90-е годы должны были дать возможность воплотить те идеи, которые утвердились в Рио-де-Жанейро, то есть были приняты на самом высоком уровне, как вы знаете, уровне правительств большинства стран, которые обязались разработать стратегии устойчивого развития.

Сейчас эти нерешенные проблемы, глобальное потепление и прочие стучатся в дверь каждого, вы знаете, что «глобальное потепление» это эвфемизм, он в себя включает различные процессы, и они происходят в такой стремительной манере, и по историческим меркам в такой короткий период времени, что экосистемы не успевают приспособляться к изменениям, и происходит большое количество стихийных бедствий. Именно потому что наступает глобальная катастрофа, в декабре 2007 года Пак Ги Мон созвал глав государств под формальным, на мой взгляд, предлогом, чтобы продлить механизм Киотского протокола до 2012 года, а фактически для того, чтобы поставить глав государств перед фактом необходимости приспособления к начинающимся серьезным глобальным изменениям. В последние годы мы видим, что все это изменяется все быстрее, а климатическая система относится к очень инерционным, поэтому и остановить такие процессы будет очень сложно, учитывая как долго они запускались и особенно ускорились в период глобализации. Но надо объяснить, почему глобализация пошла в таком негативном русле. Дело в том, что когда разрабатывались модели устойчивого развития, мир был двухполярным, были две модели экономического развития и мог возникнуть консенсус именно на основе полярности, когда шли поиски конвергенции, взаимопроникновения обеих моделей. Но в 90-е годы оказалось возможным отказаться от социал-реформистских идей и получила доминирование идеология рыночного хозяйства неолиберальной идеологии, при которой приоритет отдавался рынку и давался карт-бланш на доступ к ресурсам, к факторам производства во всем мире. До процессов глобализации прерогативой развития государства оставалась внешняя торговля, теперь

хозяйствующие субъекты стали иметь доступ к трудовым, финансовым и земельным ресурсам во всем мире.

Почему устойчивое развитие не стало распространяться во всем мире? По неолиберальной экономической теории устойчивое развитие мало что добавляет к возможностям экономики обеспечивать перманентный рост, а именно устойчивый рост необходим для развития общества, именно устойчивый рост дает возможности удовлетворять неограниченным запросам потребителей, как частных, так и производственных. Но я вот слышала такую версию, что перевод термина «устойчивого» развития - у нас появилось как технический термин. Пузаченко говорил, что фактически должно было быть как жизнеспособное развитие, но я считаю, что это не техническая ошибка, а сознательный подход, потому что легко увидеть, что устойчивый экономический рост часто является именно нежизнеспособным. И все эти негативные проявления в социальной и экологической областях и свидетельствуют о том, что эта идея перманентного устойчивого роста она нежизнеспособна. Если раньше критика глобализации воспринималась как такой левомарксистский реванш, то после появления антиглобалистского движения (сначала к ним относились как к полуфестивальным, полухулиганствующим элементам, но постепенно, поскольку они смогли привлечь внимание общественности, и надо сказать, антиглобалистское движение всегда сопровождалось серьезными научными исследованиями), критика неолиберальной модели при доминировании рыночного фундаментализма стала общим местом.

Та самая критика, которая в 90-е годы считалась маргинальной, сейчас она уже прозвучала и в Мюнхенской речи Путина, которую вы слышали наверное, когда он осудил однополярный мир, который несет в себе такие последствия. И фактически Балийские договоренности, которые были в рамках продления Киотского протокола, осуществлены. Поэтому мне хотелось бы кончить тезисом, что общество подошло к такой черте, когда нужно вернуться к идее устойчивого развития во всем его объеме.

В концепции УР предполагается три цели – три принципа, я не буду останавливаться, это все можно посмотреть в первоисточниках, но они все свелись к каким-то отдельным элементам, устойчивому росту, причем экономика монополизировала идею устойчивого развития и свела его к идее устойчивого роста, и глобализации стала проходить в такой форме, когда хозяйствующие субъекты за то, что они получают доступ к факторам производства во всем мире как бы обеспечивают государствам во всем мире услуги перманентного экономического роста. Главная причина всех этих негативных явлений – экологическая емкость планеты не выдерживает этой безудержной экономической гонки. Надо перейти полностью на идеологию устойчивого развития и ввести в законодательное поле все три цели УР и я считаю, что мы можем добиваться этого и предложить пилотный проект, может быть даже в Арктике, перехода на рельсы зеленой экономики, о чем призывал все страны Пак Ги Мон в декабре 2007 года. На этом я хочу закончить.

Т.Ю.Семенова:

Спасибо! Если есть вопросы, да, пожалуйста!

А.П.Гудыма: Я согласна, что устойчивое развитие это главное, хотя оно и не лишено излишней политизации, но мне интересно все-таки у вас заявка была такова - мир изменяется, и что нужно делать коренным народам Севера, когда идут вот такие изменения. Ваша посылка заключается в том, что все-таки изменения климата объясняются очень интенсивной деятельностью человека, это одна из посылок, биологические процессы самой планеты Земля, космические какие-то идут процессы, и эта посылка, вы правильно на ней останавливаетесь, но есть частные мнения, что эту проблему нельзя решать только в одном аспекте – экономическом, нужна биологическая и космическая природа Земли, это комплекс должен быть. И как все-таки реагировать коренным народам, что им ждать?

Ответ: Поскольку на космические процессы мы не можем воздействовать, а вот на экономические процессы должны, поэтому я делаю на этом акцент. И задача воздействовать на мировоззренческую концепцию развития, потому что сам культурный код коренных народов он полностью соответствует идеологии устойчивого развития как идеологии мировоззренческой, которая видит целую картину мира. А экономика, которая доминирует и ведет хозяйственную деятельность в том направлении, куда она развивается, она видит только практический аспект. Здесь выпадает из картины мира прошлое, настоящее, будущее.

А.П.Гудыма: Это очень интересная проблема, но у вас заявка была на климат, как потепление сказывается на Севере?

Вопрос: Какие последствия для коренных народов, если идет потепление?

Ответ: Потепление вызовет очень серьезные последствия, вы хотите узнать, как нам вернуться к устойчивому развитию в условиях глобального потепления?

Т.Ю.Семенова:

Я хотела бы прервать здесь обсуждение, мне хотелось бы сказать «спасибо» докладчику, все темы, которые мы сегодня обсуждаем, очень широкие, мы продолжим их обсуждать на Круглом столе. А сейчас у нас есть еще одно выступление председателя исполкома Совета Ассамблеи Народов России, присутствующий здесь господин Ондар Чимит-Доржу Баирович.

Ч.Б.Ондар:

После такого крупного академика (С.А.Арутюнова) выступать по теоретическим вопросам совершенно, по-моему, не нужно. Я хочу сказать о практических вещах. Большое спасибо за предоставленную мне возможность, я постараюсь очень коротко. Человек о чем думает? Первое – человек думает об этническом и гражданском праве человека. Второе, он думает, как бы представитель моего народа и этноса попал в органы власти или общиной руководил, тогда я буду лучше себя чувствовать, если там мой близкий человек сидит. Третий вопрос – это культура, сохранение языка, очень широкое понятие. Вот об этом человек думает, кроме того, что кушать. Сейчас очень много дискуссий идет, вообще национальная политика есть в государстве или нет? Одни говорят – нет, другие говорят – да и так далее. Но я был членом Конституционной комиссии России, был членом Ново-огаревского совещания, которое проводил Горбачев, был руководителем республики, председателем Совмина, потом председателем Верховного Совета, депутат трех созывов России, и на Кавказе поработал, так что я этой проблемой проникся. Так что, вот есть ли национальная политика у нас? Я считаю, она есть. И причем, когда в 90-е годы начало качаться государство, мы очень серьезно взяли за эту проблему – такие как профессор Тишков, профессор Абдулатипов, академик Иванов Илья Николаевич, вот крупнейшие ученые в области этнической политики, и тогда еще был Совет национальностей, и мы проводили в течение пяти лет 5 съездов с участием представителей всех субъектов Российской Федерации, в результате мы разработали концепцию государственной национальной политики. Если юрист, или просто кто-то интересующийся захочет прочитать этот документ, там все отражено. Дело в чем, вот сейчас Путин написал, что надо корректировку сделать, но те же ученые, которые тогда участвовали, начитались, что Голландия такая, Финляндия такая, и начинает голова бродить, и все теперь запутались. В результате что получается – понимание государством политики одно, понимание государственной политики Минрегионом второе, понимание правительством – третье, а Администрация президента по-моему, вообще бросила эту

проблему. Вот сейчас таким образом национальная политика, которую разработали крупнейшие наши ученые, находится в таком состоянии.

Вчера я думаю, что очень серьезные в парламенте были слушания по коренным малочисленным народам. Я вот во всех этих слушаниях был, и вчера, по-моему, самое предметное было обсуждение. Мы уже сами на себе испытали, насколько законы по коренным народам отражают их деятельность, поэтому что сейчас надо сделать? Во-первых, мы договорились с правительством, Государственной думой, что надо создать такую сквозную комиссию, то есть представители Администрации президента, Государственной думы, правительства, Общественной палаты, наша организация Ассамблея народов России, мы представляем интересы всех народов, и вот такие сделать экспертные группы, чтобы в конце концов кончить эту говорильню. Не столько правильная или неправильная национальная политика, сколько никто не хочет заниматься правом на территории. Сегодня национальная политика отдана на откуп субъектам, кто как может, вот Якутия так, а Чита по-другому, Татарстан этак, а центральные территории говорят: «у нас одни русские, у нас проблем нет». Как будто русский человек он должен быть вне национальной политики.

Я уже десять лет занимаюсь этой проблемой, изучил все территории, мы сейчас что делаем? После проведения съездов приготовили документы, отправили в субъекты федерации, и они реагируют, а власть, начиная от Президента – нет. Вот последние послания президента, ни одного слова не найдете там про «народ», а только «стабилизация, стабилизация...» И у меня создается такое впечатление – вообще они боятся говорить о национальном вопросе. Лучше полежит, время пройдет, а если загорится, тогда начнем это обсуждать. Это очень опасное такое рассуждение, опасная политика, поэтому мы ставим такой вопрос – слава богу, пришел в Госдуму Купцов, он такой опытный человек, поэтому ставим национальный вопрос как категорию национальной безопасности.

Мы многонациональный народ, у нас 83 народности имеют собственные земли, нигде в мире нет такого государства, чтобы были собственные территории, а нас объединяет наша земля. Вот я тувинец, у меня земля в России находится, и куда я денусь из нее? Вот я даже выступал как-то в Фонде Горбачева, пригласили канадских ученых, директор Института выступал, и я говорю – если два народа, это две нитки, а нас 80 завязано, поэтому разорвать такую связь очень сложно. Вот поэтому когда в 90-м году было жуткое состояние, мы сумели нашу страну сохранить и нынче развиваем.

Мы выиграли грант в этом году на 69 млн.руб., и хотим возродить советскую систему, помните, были фестивали искусств народов СССР? Мы хотим, начиная от района, и потом область и республика, чтобы проходили смотры, и завершить все большим концертом в Кремле. В мае месяце мы начнем этот план разрабатывать. Причем субъектам будут выделены средства для проведения смотров и мероприятий. И думаю, почему мы это дело делаем? У нас везде мафиози, и так и в искусстве - надо большие деньги отдать. А очень одаренные люди не могут пробиться, мы хотим дать им дорогу наверх, туда, где есть возможность учиться. Второе, мы хотим организовать конференцию по культуре, о языке. Потому что если нет языка, нет народа. Я сам инженер, электромеханик, бывший хозяйственный работник, я думаю, вот взять Пушкина, он великий русский поэт, замечательный человек, Богом одаренный, а предки у него откуда, вы знаете... Поэтому тот, кто освоил язык, то освоил культуру другого народа, он и принадлежит к этому народу. Поэтому мы считаем, что сохранение языка и культуры для этноса имеет колоссальное значение. В этом году хотим провести Конгресс народов России, посвященный языку и этнической культуре наших народов в стране. Я очень надеюсь, что новый президент когда-нибудь скажет о нашем многонациональном народе. И причем, все время говорят, что многонациональный народ - это неправильно написано в Конституции, но чтобы менять, это надо специальный референдум.

Мне очень понравилось выступление сегодня лектора, затем люди выступили среднего звена, это очень талантливые исследователи, получился очень предметный разговор, спасибо вам за внимание!

Т.Ю.Семенова:

Спасибо большое нашим докладчикам и тем, кто выступал. Сейчас обед и через полчаса мы вернемся в этот зал для Круглого стола.

Продолжение семинара после обеда

Ведущий Круглого стола, Директор Центра Ассоциации КМНСС и ДВ РФ

Р.В.Суляндзига:

Всем добрый день! Меня зовут Родион Суляндзига, и я буду вести сегодня Круглый стол с участием самих представителей коренных народов. Мы должны начать наше заседание, мы уже опаздываем по нашей программе. Прежде чем предоставить слово выступающим, я позволю себе сделать несколько коротких рекомендаций, замечаний и конечно, начну с того, что поблагодарю Институт за то, что мы сегодня тут собрались, и очень важно, что присутствует научное сообщество, то, что всегда было ценно и необходимо. Потому что несмотря на все текущие проблемы, с которыми сталкиваются сегодня коренные народы в своей деятельности, взгляд, мнение и рекомендация ученых – они всегда составляли основу любой деятельности, в том числе деятельности по формированию государственной политики. И конечно, мне лично было очень интересно слушать члена-корреспондента Арутюнова, его оценки и видение, что происходит с национальной политикой в России. Мне кажется, что мы не имеем права забывать, что то, что сегодня делается, родилось не сегодня. Родилось с того момента, когда распался Союз, с правления Горбачева. Союз распался по принципу национальных республик – то, что мы имели в России во времена Ельцина (его тезис – «берите суверенитета столько, сколько хотите»), это все то, к чему мы сегодня пришли: и то, что войны на Кавказе, и то, что объединение территорий происходит в основном за счет национальных автономных округов, и то, что в руководство республики Якутия пришел не титульный президент, и то, что творится с Татарстаном и Башкортостаном – это то, к чему мы сегодня пришли. Вот на вопрос Павла Филина – является ли отсутствие национальной политики тоже политикой – наверное, сегодня это вполне адекватно и можно принимать как явление. Меня единственное смущает, что национальная политика у нас сегодня становится или, вернее, она является такой силовой, государственно-авторитарной, в которой все решается если не одним человеком, то администрацией президента.

Теперь что касается национальной политики в отношении коренных народов - как мне представляется, для нас самих интересен опыт шести основных не государств, а территорий, в которых выработана определенная политика по отношению к коренным или аборигенным народам. Причем, если некоторые в России считают, что термин «аборигенный» звучит нехорошо, мне кажется, что слово «абориген» это нормально. Мы вчера проводили семинар по аборигенному туризму, может быть, нужно даже употреблять термин «абориген» вместо «КМНС». Первый опыт, мне кажется, это США с его резервациями, с другой стороны, насколько он будет применим в России, причем, им предоставлены не их территории, а совершенно другие земли и в гораздо меньшем объеме, и предоставлены определенные коммерческие и инвестиционные возможности (в виде казино, огромных субсидий, но необходимо также признать, что они не признаны как коренные народы, американское правительство признает их как коренное население и это тоже нужно учитывать. Второй опыт, который наиболее близок нам и ценен, это - Канада, где действительно признаны права аборигенов на землю, на природные ресурсы, и где существуют договорные отношения между аборигенными народами и федеральной

властью и между аборигенными народами и компаниями, приходящими на их земли. Причем государство сделало таким образом, что компании являются двигателем социально-экономического прогресса на этих территориях. Это то, что мы должны перенимать. Следующие – это Новая Зеландия и Австралия с их формами самоуправления. Австралия стала 13 февраля второй страной после Канады, которая официально признала свою ошибку по отношению к коренным народам, это было опубликовано, заявлено, и я думаю, что сегодня в Австралии - это новый этап их жизни, и Австралия все сделает, я думаю, чтобы эту несправедливость убрать. Третий опыт – это скандинавские страны, где есть саами, права которых на землю не признаны, но которым выделяется огромная государственная поддержка в части Совета Саами и в виде Парламента Саами и огромная поддержка их традиционной отрасли оленеводства. И последние два опыта – это опыт Дании, Гренландское самоуправление, при этом не нужно забывать, что они составляют там практически 98 % населения, и кто знает, может быть они найдут нефть и объявят о независимости от Дании. И последнее – это опыт Китая, который полностью моделирует систему Советского Союза – патернализм, национальные автономии, государственная поддержка языка, культуры. Вот наверное, эти опыты мы должны изучать и найти ту модель, которая была бы приемлема для всех.

Сейчас я хочу предоставить слово первому выступающему – это будет Дмитрий Бережков, председатель Исполкома Ассоциации. Насколько я понимаю, его тема будет отличаться от заявленной.

Д. А.Бережков:

Друзья, не хотел бы даже 10 минут затратить на свое короткое сообщение. Мы все очень рады диалогу, который был поднят здесь в стенах Института культурного и природного наследия - сейчас очень важно, что опытом, который получает научное сообщество, оно обменивается с коренными народами. Хотя полноценный диалог, как таковой не всегда получается.

Считаю, что крайне важно нам сегодня обратить внимание на прикладное значение тех исследований, которые проводят ученые. В первую очередь мы все должны помнить, что вся наша деятельность, как представителей науки, так и представителей организаций коренных народов, непосредственно оказывает влияние на жизнь людей в северных регионах. Мы своими действиями можем, как положительно влиять на изменение положения, так и оказывать негативное влияние.

Может быть не совсем правильный пример, но хотелось бы сказать несколько слов о Федеральной целевой программе «Социальное и экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», которая реализуется Министерством регионального развития РФ и финансируется федеральным правительством. Эта программа являлась реальным доказательством хоть сколько-нибудь направленной на сохранение и развитие коренных народов, политики России по отношению к коренным народам. Представитель же Правительства РФ на вчерашнем выступлении в стенах Государственной Думы РФ (на Парламентских слушаниях по проекту Федерального Закона «О защите исконной среды обитания») заявил, что возможно с 2009 г. финансирования на данную программу не будет выделено и программа будет закрыта, а федеральные финансовые средства для коренных народов будут передаваться напрямую в регионы.

Мое лично мнение, это говорит о том, что на наших глазах происходит убийство как политики по отношению к коренным народам Севера России, так и самой Федеральной целевой программы. А ведь концепцию этой программы, по моему мнению не совсем корректно составленную, составляло как раз научное экспертное учреждение. Я считаю, что если бы при составлении концепции были учтены те рекомендации, которые давали организации коренных народов, то и программа осталась бы действующей.

Многие из Вас знают, что сейчас представители научного сообщества начинают заниматься оценкой влияния промышленных проектов, нефтегазовых, различных других на коренные народы. И здесь также я хотел бы попросить всех, чтобы мы все очень внимательно и ответственно относились к этим вопросам. Представители научного сообщества оценками в этой сфере и вообще своим мнением могут оказать как положительное, так и негативное влияние на развитие коренных народов в месте реализуемого проекта.

Сейчас представитель Высшей школы экономики высказался о том, что в целом представительство коренных народов в органах власти в регионах несет скорее негативное влияние на сообщество коренных народов в целом. Я считаю, что к таким оценкам, нужно относиться как минимум осторожно. Такие экспертные оценки могут попасть в поле зрения органов власти, которые могут на основе этого принять соответствующие решения.

Также я хотел бы сказать несколько слов о молодежи. Так уж получается, что в России научное сообщество не совсем уж консервативно, но все же оно представлено на высоком возрастном уровне и это тяжелое наследие 90-х. Не совсем сложились еще у нас в государстве соответствующие традиции для привлечения молодежи в науку, особенно в фундаментальную. Если же говорить о молодежи – представителях коренных народов, то такой на порядок меньше.

Думаю, что все мы должны над этим задуматься. Поэтому создание сети ученых по изучению проблематики коренных народов – это крайне правильный и своевременный шаг. Особенно важно, чтобы мы могли привлекать к изучению проблем своих народов – молодежь коренных народов Севера. Давайте вместе предлагать пути, как это можно сделать. Речь может идти и о высшем образовании, об аспирантуре, для того, чтобы как можно больше представителей коренных народов вовлекалось в эту деятельность. Мы готовы в этом помогать и лично хотел бы принимать участие в работе этой сети. Спасибо!

Р.В.Суляндзига:

Спасибо, Дмитрий! Если есть вопросы, пожалуйста!

Т.Ю.Семенова: Я сразу хочу сказать о практическом деле: в первую очередь, когда заходит речь о молодых ученых, это регионы. В тех местах, куда ученые выезжают на полевые работы и исследования, там связь с общественными организациями, в том числе с региональными Ассоциациями, связи с местными учеными, которые могли бы помочь найти заинтересованных лиц и, может быть, предложить совместную работу для молодых ученых из числа коренных народов, были бы очень полезны. У меня вопрос такой: вы представляете себе, сколько представителей коренных народов проходит через подготовку государственных кадров? Я ничего не знаю о региональном уровне, но специально задаю этот вопрос на федеральном уровне в соответствующих учреждениях. За последние 4 года только 2 человека из коренных были на обучении в Российской Академии государственной службы (той самой РАГС), и судьба их самая непростая – им приходится самим платить за обучение и потом им трудно трудоустроиться. Так что есть действительно повод для сотрудничества всех трех сторон – тех, кто готовит ученых и специалистов, тех, кто в регионы выезжает и делает там исследования, и тех общественных ассоциаций, которые могли бы в регионах помогать коренной молодежи встраиваться в науку, выезжать на учебу и потом, пройдя обучение на федеральном уровне, влиять в дальнейшем на свою судьбу.

Ответ: Я с Вами совершенно согласен, что 2 человека – это крайне недостаточно. У нас 15-16 мая состоится научно-практическая конференция «Государственная политика в отношении коренных народов» и мы там будем проводить одну из панельных дискуссий как раз по образованию и молодежи. Мы хотим привлечь к этой дискуссии и конференции в целом Министерство регионального развития и будем говорить, в том числе и по

вопросу, как должна формироваться концепция государственной политики в отношении коренных народов, мы хотим представить свое видение как должна развиваться эта политика. Я думаю, что надо как раз привлечь и Российскую Академию государственной службы.

Гудыма А.П.: Мне хотелось бы поделиться мнением. У вас очень интересный Круглый стол. Я видела очень много молодежи из числа коренных народов Севера, и вот Тамара Юрьевна (Семенова) правильно сказала, что им трудно попасть и в науку, и в управление, а желание такое есть. Я бы посоветовала Ассоциации КМНСС и ДВ РФ может быть создать какой-то консультационный центр для подготовки в аспирантуру и вообще для оказания научных консультаций, Как вы думаете, такая идея верна, нужна она коренным народам Севера?

Ответ: Еще раз говорю – я согласен с Вами, что нужна. Вопрос – в ресурсах. Ассоциации и общественному движению коренных народов определенно нужна такая помощь. Давайте вместе доказывать на федеральном уровне, в регионах, что необходима эта работа, и предлагать выделить на нее ресурсы.

Р.В.Суляндзига:

Спасибо! У меня тоже один комментарий – я думаю, что наиболее эффективно до сих пор работает та система, которая еще в Советском Союзе работала. Это школа, высшее учебное заведение и дальше. Допустим, институт Герцена, факультеты Санкт - Петербургского Университета, когда молодые люди заканчивают их и поступают в аспирантуру, и делают свою научную карьеру, но это в большей степени связано с филологией и культурологией, конечно. Сегодня нам нужно продвигать другие дисциплины, нужны новые молодые кадры в других направлениях. Так что тема эта остается, в любом случае ее надо поднимать и обсуждать, потому что за молодежью будущее.

Следующий выступающий у нас это Ольга Ануфриевна Мурашко.

О.А.Мурашко:

Я хочу поговорить о значении традиционных знаний как инструменте защиты прав коренных народов для устойчивого развития. В начале я коротко скажу о международном юридическом статусе традиционных знаний коренных народов. Как известно, в Конвенции о биологическом разнообразии этому уделена особая статья 8(j), где сказано, что государства-участники «в соответствии со своими национальными законодательствами обеспечивают уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, способствуют их более широкому применению с одобрения и при участии носителей таких знаний, нововведений и практики, а также поощряет совместное пользование на справедливой основе выгодами, вытекающими из применения таких знаний, нововведений и практики».

Кроме того, в документах, которые разрабатывались одновременно с Конвенцией о биологическом разнообразии, также уделялось большое внимание традиционным знаниям. "Повестка дня - 21 век", глава 26 целиком посвящена "укреплению роли коренного населения в решении проблем окружающей среды". В ней подчеркивалось: "Многие поколения коренного населения сформировали целостное, основанное на обычаях, представление о своей земле. Правительствам и международным организациям следует признать ценности, традиционные знания и методы рационального использования ресурсов, которыми пользуется коренное население при взаимодействии с окружающей средой, и применять эти знания в других развивающихся районах".

Принцип 22 Декларации «Утверждение соглашений по вопросам окружающей среды и развития», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, также гласит: «Коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития».

Важно подчеркнуть, что Конвенция по биологическому разнообразию была ратифицирована в нашей стране в 1995 году, и поэтому по нашей Конституции (пункт 4 ст.15) она является частью нашего национального законодательства. Все документы, которые разрабатываются в рамках этой Конвенции, также являются важными рекомендациями для нашей страны. Программа развития ООН (ПРООН) получила специальный мандат для исследования традиционных знаний, и в частности, в этом мандате сказано, что исследование традиционных знаний не только может быть полезно носителям знаний (непосредственно общине), но также может стать результатом существенного вклада в устойчивое развитие человечества. Все это я говорю к тому, чтобы подчеркнуть, что традиционные знания коренных народов имеют высокий общепризнанный международный статус.

Когда необходимы изучение и документация традиционных знаний самим коренным народами для того, чтобы защитить свои права? Особенно важно участие коренных народов в процессе сбора и документации этих знаний в конфликтных ситуациях, которые возникают при изъятии земель под промышленное освоение, или например, в нашей стране, при подготовке обоснований для образования территорий традиционного природопользования или закрепления других видов традиционных угодий. В этих случаях существующая научная литература далеко не всегда может быть напрямую использована. В таких ситуациях, чаще всего, необходимы специальные исследования для каждого конкретного случая, в каждом конкретном месте. И важно, чтобы сами коренные народы осознали необходимость своего участия в этом процессе и деятельно в нем участвовали.

На примере некоторых проектов, реализованных нашей Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока совместно с региональными организациями, видно, насколько бывает эффективно такое участие. Я говорю о проектах

Проект Этно-экологического информационного центра «Лач» по разработке базы данных по традиционному природопользованию коренных народов Камчатки

Проект «Значение охраны священных мест коренных народов Арктики: исследование на Севере России»

Проект по изучению традиционных знаний коренных народов, связанных со стихийными бедствиями, в Ненецком автономном округе и на Камчатке

Проект «Создание сайта и сбор информации о традиционном природопользовании в Ненецком автономном округе»

Для того, чтобы задокументировать традиционные знания, организациям коренных народов, которые захотят этим заняться, нужно иметь представление о методах изучения и документации, методы эти достаточно простые и они уже применяются и широко апробированы, например, в Канаде, и о них написаны даже специальные руководства. Коротко эти методы сводятся к трем основным компонентам - это запись интервью в свободной форме или по специально подготовленному вопроснику, затем нанесение на карты различных местных объектов (маршрутов традиционного природопользования, кочевков, стойбищ, памятных и священных мест и т.д.). И третий компонент изучения традиционных знаний – это работа с этнографической и исторической литературой и архивными данными.

В настоящее время в Ненецком автономном округе стартовал *Проект «Создание сайта и сбор информации о традиционном природопользовании в Ненецком автономном округе»* в рамках Международного Полярного года при поддержке Норвежского правительства.

Почему, собственно говоря, возник этот проект? Его, в сущности, инициировала Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй Манзара» и поддержал и нашел средства для финансирования У. Дальман из Полярного Института в Тромсе. Ассоциация «Ясавэй Манзара» попросила участвовать в этом проекте меня, потому что ранее эта Ассоциация неоднократно призывала меня помочь разрешить конфликтные ситуации, которые очень часто возникали между оленеводами и добывающими компаниями. И мы вместе искали причины возникновения этих конфликтов и способы их предупреждения.

Конфликты возникали из-за недостатка информации у компаний о том, где и в какое время реально кочуют оленеводы, какие природные ресурсы они при этом используют. Этой информацией в необходимом объеме не обладала и местная администрация. Потому что в управлении по сельскому хозяйству, которое также управляет и оленеводством, имелись очень приблизительные и давно устаревшие землеустроительные карты. В этом управлении нам предоставили вот такую карту, на которой учтены 22 оленеводческих хозяйства, в достаточно мелком масштабе, без маршрутов кочевков. И большей информацией это управление не располагало. То есть, в какое время и где конкретно находятся и кочуют оленеводы, администрация не знает. Следствием этого является то, что на этих обширных пространствах отводятся земли для лицензионных участков, где ставятся буровые, добываются ископаемые, разрываются карьеры, строятся трубопроводы без учета мнения и знаний реально живущих там людей. Эти огромные пространства считаются практически пустынными, и действительно, на карте Ненецкого автономного округа жизнь теплится только по реке Печоре, только там отмечены поселения, и еще несколько поселков вдали от Печоры, и ничего больше на этой карте нет. Ныне действующие реальные оленеводческие хозяйства, которые образовались в последние 15 лет, общины, часть которых не имеет юридически закрепленных земель, нигде не учтены. А так как они не являются юридическими пользователями земель, на которых фактически ведут традиционное природопользование, проекты с ними не согласовываются. В своей реальной жизни, во время традиционных кочевков они просто наталкиваются на новые объекты промышленного освоения, возникающие на их пути. Такие случаи были достаточно часты, особенно в начале 2000-х годов. Ассоциация «Ясавей Манзара» с этой проблемой часто сталкивалась, и мы вместе придумали такой проект: с участием самих коренных народов изучим все реальные маршруты кочевков и нанесем их на карты. Вообще-то это дело органов власти, но эти органы всегда отвечают, что денег на землеустроительные работы нет, а если и есть, то землеустройство проводится формально, без достаточных полевых работ и учета мнения населения.

Нами был разработан специальный вопросник, в котором содержались вопросы по всем видам традиционной деятельности. Главная там ведущая отрасль «олeneводство», но и рыболовство, охота, собирательство и все остальные виды хозяйственной деятельности учитывались в нашем вопроснике, в нем есть также специальный раздел по священным местам. В руководстве к вопроснику подробно указано, какую информацию, при проведении интервью, следует наносить на карту. Были разработаны специальные условные обозначения, чтобы можно было показать места пастбищ, отела и забоя, места охоты и рыболовства, сбора дикорастущих растений. Затем 6 представителей коренных народов были обучены использованию этого вопросника и перенесению данных на бумажные карты. Они пользуются бумажными картами, так интервью с оленеводами проводятся в то время, когда они возвращаются в поселки. Затем карты с бумажных носителей переносятся в систему ГИС. Опрашиваются главы хозяйств или главы семейств, в результате получается на одно реальное хозяйство – одно интервью – одна карта.

Этот проект стартовал у нас в сентябре 2007 года, и я покажу некоторые результаты, которые у нас получаются. Вот например, составлена карта оленеводческого хозяйства, кочующего в районе Канина Носа (а всего их на Канином Носе 15), и его маршрут ежегодной кочевки. На этой карте (масштаб 2 км в 1 см) показан во-первых, маршрут, во-

вторых, указаны месяцы пребывания в определенных точках, полный маршрут составляет 1500 км, вы видите только северную половину маршрута. В зимние месяцы эта бригада кочует в лесах Архангельской области. Здесь показаны не только месяцы, но и места стоянок, где происходит отел, забой и прочее. Буквенные обозначения показывают, где они занимаются морским зверобойным промыслом, рыболовством, сбором дикорастущих растений. Вот еще одна рукотворная карта, которая обобщила уже 5 хозяйств, оленеводческих и рыболовных общин. Дальше эти материалы переносятся в ГИС. Я сейчас покажу карты, уже перенесенные в Google Earth – вот в более крупном масштабе две стоянки чумов, рожки вверх – это место отела, рожки вниз – это место забоя, разными цветами обозначены места сбора дикоросов или рыболовства. Эти карты еще не закончены, не успели нанести стрелочки, которые показывают направления кочевков. Эта карта, была создана в результате опроса 5 общин, она занесена в мировую систему Google Earth. Теперь я хочу вернуться назад, где была показана карта управления сельского хозяйства, и показать, какую ее часть мы заполнили реальной информацией о традиционном природопользовании.

В то время, когда проводится интервью – обученный человек ведет интервью, опрос занимает от 2 до 3 часов, параллельно ведется аудиозапись интервью, заполняется карта. В результате мы по каждому интервью имеем заполненный вопросник, аудиозапись и карту объектов традиционного природопользования. Получается целое досье на каждое хозяйство. Это в сущности является документом. Мы зафиксировали традиционную деятельность людей, живущих на определенной территории. Кроме того, в анкете есть вопросы о том, насколько эти люди зависят от своего традиционного хозяйства (сколько раз в неделю они едят традиционную пищу, изготавливают ли традиционную одежду и обувь, какие у них есть иные доходы, какие продукты и вещи они покупают в магазине и т.п.). Я уже показывала, какую часть мы заполнили на управленческой карте. При взгляде на нашу карту, становится ясно, что в этом месте пять хозяйств ведут традиционную деятельность. Эти пять общин возникли после того, как прежние советские хозяйства распались или реформировались, и их места традиционного природопользования не были отмечены на карте. Теперь эти общины приспособляются к новым социально-экономическим условиям, занимаются оленеводством, рыболовством, охотой, собирательством и обеспечивают свои семьи. И именно на территориях традиционного природопользования этих общин собираются прокладывать (уже даже начались некоторые подготовительные работы) трубопровод, который должен соединить буровые вышки и порт. Раньше можно было сказать, что эти места никем не используются, так как ни землеустроительных, ни других юридических документов по этой территории не было. Теперь уже так сказать невозможно – мы задокументировали места традиционного природопользования этих общин.

Эта методика опубликована в книжке «Значение традиционных знаний для устойчивого развития коренных народов: пособие по сбору, документированию и использованию традиционных знаний для организаций коренных народов».

Я считаю, что методика уже апробирована, и что это широкое поле деятельности для организаций коренных народов. Они могут сами разрабатывать проекты, чтобы документировать свои традиционные знания для защиты собственных прав. Для молодежи это очень важно – из 6 обученных интервьюеров в НАО, по крайней мере, три человека уже втянулись в эту работу, она их заинтересовала. Даже сложную работу по перенесению данных с бумажных карт в ГИС тоже проводит один молодой человек, который учится на программиста в Нарьян-Маре, он по происхождению ненец, родом из того самого места, где собираются проводить трубопровод. Он сам проводил опросы своих земляков. Спасибо!

Р.В.Суляндзига:

Спасибо, Ольга Ануфриевна. Если есть вопросы, пожалуйста!

Вопрос: А как долго обучали эту группу интервьюеров?

Ответ: Недолго. Я обучала в 3 этапа – первый недельный семинар, а потом еще приехав, я на месте посмотрела, как они брали интервью, исправила их ошибки, в третий раз недавно была в Нарьян-Маре и увидела результаты. К счастью, у меня была возможность выезжать в НАО в сентябре и декабре 2007 года, и вот недавно, в апреле 2008 г., уже в связи с другим проектом. Сейчас там собрано около 30 интервью, а намечается собрать всего 120. Это только в Ненецком автономном округе.

Р.В.Суляндзига: Я думаю, что самое ценное в вашем проекте, это то, что разработана методика, она апробирована и может быть перенесена на другие территории проживания коренных народов. А вообще тема традиционных знаний и их значения, мне кажется, что в России она еще не слишком звучит, мало обсуждается и не востребована и не оценена самими коренными народами, я уж не говорю о правительственных структурах, научных кругах, но это отдельный пласт и отдельный большой компонент работы, хотя на международном уровне в рамках Всемирной организации по интеллектуальной собственности и в рамках Конвенции по биоразнообразию этот процесс давным-давно уже запущен и идет, и обсуждается, потому что все эти вопросы они взаимосвязаны – интеллектуальная собственность, генетические ресурсы, традиционные знания, защита фольклора и так далее.

Н.С.Лашенко: Я, к сожалению, не специалист по коренным народам, но я работаю в Институте культурологи и проблема фиксации и документации фольклора мне близка. Может быть, я задам наивный вопрос, но речь идет о втягивании коренных народов в другую жизнь, не будем говорить плохую и хорошую, некоторые деградируют, некоторые, наоборот, втягиваются и начинают жить современной жизнью, но вот эти знания уйдут и собственно фиксация знаний должна быть поставлена как одна из основных задач Ассоциации коренных народов. Я не знаю, может быть это уже сделано, может быть такая задача уже есть в ваших документах? Но как только носители знаний не смогут их передавать в течение своей технологической деятельности (потому что природа традиционного знания такова, что оно передается устно и в процесс деятельности), это будет потеря не только для этого народа, это будет потеря для всего мира. Поэтому ставится ли так эта задача? Я уверена, что наше руководство просто об этом не знает и не задумывается. Не только фиксировать на местном уровне, но и попросить финансировать эту задачу руководство страны и даже международные организации. Фондрайзинг – это тоже серьезная проблема.

А.П.Гудыма: Вы знаете, я хотела бы добавить про проблемы выживания на Севере. В нашем Институте Сибирского отделения РАН там вахтовый метод изучался – и приезжающие сходили с ума, потому что они не знали, как выжить в ситуации Севера. Очень много компонентов как природа действует на человека, а ведь народы Севера они не просто выживают, но они и радуются этой жизни. Вот этот факт ощущения радости от общения с северной природой он вообще не изучен, видимо это происходит благодаря мировоззренческим аспектам, а это очень важно. Ведь циркумполярная культура это выживание именно на Севере. Территории традиционного природопользования пока еще никак не определены, не ограничены, только как вы заметили в своем выступлении, там предполагается пустота, а там люди живут. И проблемы коренных народов в обществе вообще не воспринимаются как проблемы.

М.А.Тодышев: Вот по поводу вашего вопроса. Я с 2000 года находился в процессе обсуждения выполнения Конвенции по биоразнообразию, и собственно оттуда обратился и во Всемирную Организацию интеллектуальной собственности. Фиксация традиционных знаний и более того, каталогизация интеллектуальной собственности - это важная задача и

более того, эта задачи и международных соглашений. Там этот процесс уже идет и есть много инициатив, создана специальная рабочая группа по разработке конкретных рекомендаций правительствам, но к чему все приходит? К тому, что для того, чтобы эту работу провести и эту задачу выполнить, надо коренным народам и их общинам помочь решить их социально-экономические проблемы, вот тогда они помогут сохранить биоразнообразие через сохранение традиционных знаний и традиционного образа жизни, но я приветствую вашу идею- обращение к университетам, к руководству, международным организациям, чтобы они привлекали наших старейшин, наших женщин, так как именно они являются носителями и хранителями традиционных знаний, и естественно, проводили эту работу по финансовой поддержке таких инициатив.

Н.С.Лашенко: Я с 2003 года занимаюсь вопросами агротуризма, но применительно к центральной европейской территории России, и я допускаю, что мировой опыт по экотуризму и агротуризму в области проживания коренных народов уже существует, и я хочу призвать использовать такой опыт. Еще я хочу поддержать то, что Плюснин здесь говорил: надо перейти от обмена ресурсами к обмену услугами. Ведь производство натурального продукта можно рассматривать как производство и предоставление услуг в рамках эко- и агротуризма, например. Но это требует общегосударственной политики, это было главным выводом программы. Мы обратились в 27 инстанций, мы послали выводы в Госдуму, в Совет Федерации, были приняты «Основы концепции развития агротуризма в РФ», были защищены 3 диссертации без ссылки на автора Концепции (прошу прощения за нескромность) и все, на этом дело закончилось.

Р.В.Суляндзига: Я вынужден вас прервать, если нет вопросов, давайте перейдем к следующему вопросу. Наталья Ивановна, пожалуйста!

Н.И.Новикова: Я хотела бы на более оптимистичной ноте закончить это обсуждение. Мне кажется, что это очень интересное исследование, это первое. И второе, в конце 80-х годов, но на другом уровне тогда было проведено подобное исследование в Ханты-Мансийском округе, не было никаких ГИС технологий еще, но все те же данные были собраны, и на основе этих данных была проведена работа по выделению родовых угодий, тех же территорий традиционного природопользования. И научное значение этой работы большое, и по опыту другого округа я хотела бы подчеркнуть, что это действительно инструмент для защиты прав коренных народов. Поэтому я думаю, надо подумать о том, где еще можно сделать такое исследование.

Ф.Х.Яунгад: Я хочу совсем коротко вот что сказать. То, что вы ученые говорите о том, что надо сохранять, я думаю, что надо говорить о северной арктической цивилизации, то есть надо сохранять то, что идет параллельно европейской цивилизации, не то, как мы в городах живем, как в ванной купаемся и все остальное делаем, а то, что не письменно передается, а устно, и из рук в руки – вот оно! Тогда великие ученые не будут говорить, что на Земле только два кочующих народа – арабы и еще какой-то, а что на Севере России живут целых 42 национальности, и они все время кочевали и кочуют до сих пор! Если бы ученые нашей страны все время говорили об этом, и все это знали и на самом верху, и в правительстве, тогда будет нормально.

Б.Д.Балданов: Спасибо, что предоставили мне слово, я даже немного приготовился, чтобы сегодня выступить, но пока молчал. Дело в том, что здесь говорили о том, что муниципалитету принадлежат ресурсы, но я хочу этот тезис здесь опровергнуть. Более того, я хотел бы его назвать некорректным не только по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, но и вообще к муниципалитету и к системе муниципальных образований в Российской Федерации. На

самом деле все обстоит по-другому. По общераспространенным полезным ископаемым право передачи принадлежит субъектам, по всем остальным полезным ископаемым это прерогатива федерального центра – это закон. Дело в том, что с 1 января 2006 года наша страна живет в условиях реализации 131 Федерального закона, который, собственно говоря, разграничил все полномочия. Более 30 полномочий у муниципальных районов и округов, и примерно столько же полномочий на уровне сельских поселений. Так вот в этих полномочиях нет ни одного слова об использовании природных ресурсов, и до конца 2007 года муниципалитеты имели право заключать договоры по тем участкам лесного фонда, где пока не произошло полное разграничение полномочий в лесных правоотношениях. С 2008 года мой муниципалитет потерял, например, 10 млн.руб. только потому, что вступили в действие последние статьи Лесного Кодекса, и не отработан механизм компенсации выпадающих доходов. В прошлом году я в Общественной Палате этот вопрос задавал, мне на этот вопрос никто так и не ответил. И республика Бурятия, субъект дотационный, тоже эти 10 млн. руб. не собирается компенсировать. Как и кому доказывать, что эти деньги надо вернуть, мы не знаем. Вот настоящее положение в муниципальных образованиях.

Более того, по вопросу использования природных ресурсов есть одна маленькая лазеечка, но я считаю, что она формальная. При выдаче лицензий на использование природных ресурсов, надо получить предварительное согласие муниципального образования. Но каким образом решение согласуется, вы можете хорошо представить, вы знаете, в какой стране мы живем. Попробуй не дать предварительное согласие! И вообще по поводу ресурсов: леса – это федеральная собственность, преданы с прошлого года на управление лесами субъектов, недра – это тоже федеральная собственность, а все остальное – вот трава, например, и корневая система этого травяного покрова - это все, что есть у муниципалитета. Вот это надо обязательно учитывать. И я почти уверен, что во многих субъектах основной лесной фонд принадлежит федерации. Даже если у муниципалитета есть свой земельный участок, и есть какие-нибудь полезные ископаемые, государство все равно поставит на колени этот муниципалитет.

Р.В.Суляндзига:

Ну, вот теперь мы плавно перейдем к следующей теме выступления, потому что это взаимосвязанная область - прошу вас, Михаил Анатольевич! Это выступление завершит наш Круглый стол.

М.А.Тодышев:

Я благодарю предыдущего выступающего за такой анализ ситуации на местах, и думаю, что надо посвятить будет часть нашей секции по законодательству проблеме разграничения полномочий. К сожалению, мы в Ассоциации этим мало занимаемся и в свое время мало внимания этому вопросу уделяли. Поэтому на сегодняшний день очень многие проблемы имеют корни в этой области. Мое выступление касается темы участия коренных народов в управлении делами государства и принятии решений, их касающихся. Меня подкупило название конференции «Политические аспекты и прикладное значение», и я свое выступление посвящу эти двум аспектам. Начнем с маленького примера. Один из последних законов, принятых во исполнение Земельного Кодекса (под номером 188) в конце прошлого года предусмотрел изъятие и признал утратившим силу слова «безвозмездное пользование» в Законе о территориях традиционного природпользования (49 ФЗ) и также признал утратившим силу «право владения коренными народами» в статье 8 Закона о гарантиях прав. Так вот, когда я посмотрел историю этого закона, то я обнаружил, что только одна Дума Мурманской области высказалась против принятия этого законопроекта. Это оказалось новым для меня, потому что раньше в депутатском корпусе Мурманской области не было наших представителей, но в последнем созыве был

избран Валерий Страхов, он с нами долго работал, он быстро отреагировал на этот законопроект и по крайней мере, хоть один региональный орган выступил против. В то же время от Ассоциации мы письма направляли всюду и получили ответы, в том числе от Администрации Президента, мол, все нормально, ничего там нет, никаких осложнений для реализации прав коренных народов.

В то же время безвозмездного пользования землями на территориях традиционного природопользования сегодня уже юридически нет. О чем это свидетельствует? О том, что коренные малочисленные народы полностью исключены из системы принятия решений на государственном уровне. И это несмотря на то, что ряд международных документов, под которыми подписалась Российская Федерация, а раньше Советский Союз, имеют международные обязательства по обеспечению права национальных меньшинств принимать участие в управлении делами государства. Я могу назвать эти международные документы:

- Документ Копенгагенского совещания по человеческому измерению ОБСЕ (параграф 35) – «государства должны уважать права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на эффективное участие в ведении публичных дел, включая участие, относящееся к развитию самобытности таких меньшинств»;

- Декларация ООН 1992 года «О правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим и языковым меньшинствам». Согласно параграфу 2 статьи 32 «лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право эффективно участвовать в публичной жизни и эффективно участвовать в принятии решений на национальном, и где это возможно, на региональном уровне, касающемся меньшинства, к которому они принадлежат, или региона, в котором они проживают»;

- Международная Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации от 1965 года, статья 5 обязывает государства обеспечить равноправие каждого человека перед законом и т.д., в том числе политических прав, в частности, право принимать участие в управлении страной, равно как и в руководстве государственными делами на любом уровне.

Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств также ратифицирована Российской Федерацией и наша страна уже дважды представляла доклад, бодрый такой, и более 60% доклада посвящено как раз законодательству о правах коренных малочисленных народов. Лично моя позиция такая: коренные народы это не национальные меньшинства, при этом мнение многих экспертов, что коренные малочисленные народы являются особой группой национальных меньшинств. Учитывая уже сложившуюся практику и те доклады, которые Российская Федерация представляла в эти международные организации, у нас подразумевается, что коренные народы это национальные меньшинства, и вот когда в 2004 году принимался 122 закон, у него длинное такое название, но народ его назвал «О монетизации льгот» этот закон признал утратившим силу статью 13 закона «О гарантиях прав...». Именно статья 13 предусматривала право субъектов РФ вводить квоту на представительство в законодательных органах и в представительных органах местного самоуправления. Только право, и вот это право оно было исключено. Когда я смотрю на ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав граждан РФ на участие в референдуме», я вижу там отсутствие вот этой нормы о квотном представительстве. Но в то же время я не вижу, что есть запрет, потому что когда я читаю статью 1, пункт 3, там четко написано, что дополнительные гарантии избирательных прав могут устанавливаться федеральными законами (как это было в нашем случае с 82 законом), либо законами субъектов РФ. И вот это право о дополнительных гарантиях реализовано на территории 2, вернее 3 субъектов РФ: это прежде всего, Ямал, где у нас и в Уставе, и в Основном законе ЯНАО и в законе о выборах прописано четко и ясно, что 3 депутата из числа коренных народов избираются по многомандатному округу. В Ханты-Мансийском автономном округе также законом о выборах депутатов Думы предусматривается избрание депутатов и создается ассамблея представителей КМНС. И очень интересный хороший опыт на Сахалине: Дума

Сахалинской области приняла закон, в соответствии с которым съезд КМНС избирает уполномоченного представителя КМНС в Думе области. Этот представитель не обладает правом решающего голоса, он не является депутатом, но у него есть право законодательной инициативы. Он напрямую подчиняется председателю Думы, и что очень важно, получает депутатскую зарплату. Этот опыт уникальный для России, но он хорошо применим для тех регионов, где процент коренного населения незначительный. И результаты работы такого уполномоченного представителя Екатерины Алексеевны Королевой говорят сами за себя.

Как быть нам сегодня в этой сегодняшней ситуации? Прежде всего необходимо речь вести о представительстве КМНС на федеральном уровне, потому что без этого представительства мы не можем принимать участие в управлении делами государства. Нас не допускают сегодня – Ассоциация сегодня исключена из участия в Рабочей группе, о которой вчера говорил господин Журавский. Так он вчера помпезно преподнес, что создана Рабочая группа, что Козак дал команду не распускать ее, пусть она работает «сквозным методом», я, вот уже как представитель комитета Совета Федерации, был назначен для работы в этой рабочей группе, но представителю Ассоциации Козак отказал. Казалось бы, что здесь мешает? Поэтому здесь надо решать вопросы представительства.

На федеральном уровне – сошлюсь на текст доклада, который РФ предоставила в Комитет по ликвидации расовой дискриминации (19-й периодический доклад в ООН, будет рассмотрен в августе-сентябре 2008 года). Так вот читаем мы этот доклад и находим, что в высший орган представительной власти (Госдума) выбраны практически все представители национальных меньшинств России и что типологически сходная ситуация наблюдается во всех субъектах РФ- эти выводы сделаны на основе статистических данных по национальному составу депутатов. Приводится перечень национальностей – я посчитал, их там 30. Но я констатирую простой факт, что ни одного представителя из 41 народа, который объединяет Ассоциация КМНС, там нет. Ни одного!

И вот другая статистика: 1989 год – Верховный Совет СССР – 8 депутатов; 1990 год – Верховный Совет Российской Федерации – 12 депутатов; 1992 год – Государственная Дума России – 6 депутатов; 1995 год – 2 депутата Госдумы; 1999 год – ни одного не избрано, но когда ушел Абрамович, он вместо себя туда провел Владимира Етылена с Чукотки, а 2003 и 2007 год – это zero, zero. Ни одного представителя коренных малочисленных народов! О какой репрезентативности федерального парламента идет речь? Ни в Совете Федерации, ни в Госдуме нет ни одного представителя КМНС.

Именно об этом я говорил в своем выступлении в феврале 2007 года в Совете Федерации на парламентских слушаниях по теме избирательного законодательства. Слушания вел Сергей Миронов, а присутствовал председатель Центризбиркома Вишняков. И вот я сказал, что РФ нарушает свои международные обязательства и вошла в противоречие со своим избирательным законом. И возникновению неприятностей на международном уровне, ассоциация, по крайней мере, поспособствовала. К тому докладу в Комитет по расовой дискриминации была направлена информация по исполнению Конвенции по ликвидации расовой дискриминации. Там были заданы вопросы, какие меры правительство РФ предпринимает для обеспечения гарантированного представительства в законодательных представительных органах власти. На федеральном уровне, мы считаем, это - признание Ассоциации или признание за ней статуса уполномоченного представителя КМНС и ДВ. Это вполне реальная возможность. Соответствующий проект нормативного акта был подготовлен еще в 2004 году и передан в Минрегион. Хотя в этом докладе там тоже есть указание, что поручение по такому акту должно было быть принято еще в 2005 году, но ничего этого пока нет.

Что на региональном уровне? Сергей Николаевич (Харючи) здесь присутствует, и как раз думы ХМАО и ЯНАО вносили две законодательные инициативы, но в 2005 году эти законодательные инициативы были отклонены. Речь шла о праве субъектов вводить квотное представительство на уровне субъектов федерации. Вишняков в свое время

сказал, все, что касается коренных, это вопрос очень серьезный, и эту проблему надо решать и на федеральном, и на региональном уровне, в рекомендациях записано следующее: «проблемы представительства КМНС... требуют законодательного решения». С учетом этих рекомендаций, мною разработан проект внесения изменений в два закона – «Об общих принципах организации законодательных и представительных органах власти» и в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и право на участие в референдуме». Я сделал несколько копий этих предложений - можете посмотреть, если есть интерес. Мы после консультаций посмотрим, от кого вносить этот законопроект и текст посмотрим. Спасибо!

Р.В.Суляндзига:

Спасибо за столь информативный доклад! Я надеюсь, что вопросов не будет, потому что все так хорошо и информативно было. Есть у нас последние минуты для высказываний, рекомендаций, не более того. У кого есть желание высказаться? Очень коротко, пожалуйста! Тамара Юрьевна, пожалуйста!

Т.Ю.Семенова:

К сожалению, я не успела сделать свой доклад, но у меня есть долг перед присутствующими – многие из нас недавно присутствовали на презентации книги Леннарта Силланпя в финском посольстве, где был и сам автор. Там задавались вопросы – можно ли перевести на русский язык две главы, в которых представлена концепция мировоззрения автора, его методология обращения с фактическим материалом. В основе книги очень интересное исследование – более 300 интервью было взято у представителей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Все это проводилось в 1999 году, а книга была опубликована, можно сказать, почти 10 лет спустя. Но это капитальный труд, я надеюсь, что на русском языке в оригинальном виде эти интервью будут напечатаны, а выводы финского ученого Леннарда Силланпя мне хотелось бы вам представить в кратком виде. Основной вывод отражен в названии книги – «От маргинализации до самоопределения», и таким образом, положение коренных народов в России сейчас значительно изменяется. Мне хочется поддержать этот тезис, но, выступая после Михаила Анатольевича, который в своем выступлении называл цифры представительства коренных народов – zero, zero (то есть ноль) - хочется, понять насколько же хорошо в действительности обстоят дела с их положением, и как оно все-таки меняется? Прежде всего, сделано допущение, что сейчас в отношении всех коренных народов и национальных меньшинств действует так называемая ситуация «новой этничности», термин, который ввел Эрик Аллардт. Я предлагаю всем посмотреть на экран (я перевела на русский язык характеристики этой ситуации) и сравнить с тем, как в настоящее время можно оценить положение коренных народов.

На матрице, которая иллюстрирует теоретический подход, основная переменная – это эффективность руководства коренных народов. Он относит к руководству и элиту коренных народов в том смысле, в котором сегодня нам высказывался С.А.Арутюнов: то есть образованные люди, которые могут защищать свои народы и говорить от их имени, и может быть, они не столько непосредственно находятся в руководстве, сколько могут говорить как духовные лидеры народа. Но к этой элите еще и плюс руководство их общественных организаций, поэтому я это перевела как просто «руководство». На матрице – два столбца – эффективное и неэффективное руководство и еще две строки – контроль или сотрудничество государства. Поэтому здесь отражается и законодательное взаимодействие – это часть контроля и сотрудничество, в основном, через институциональные структуры. Автор считает, что мы сейчас вышли на третий этап такого взаимодействия – при этом на первом этапе, при покорении Сибири, было полное отсутствие эффективного руководства, и тотальный контроль и давление государства, при

котором были конфликты, даже вооруженные, на втором этапе – начинается сотрудничество, вот тут как раз создание национальных школ, письменности и т.д., а на нынешнем третьем этапе – у нас уже не только воспроизводство народной идентичности через сеть национальных школ, но и выстроены институты взаимодействия с коренными народами как субъектами управления.

Вот тут надо подумать нам всем, потому что мне кажется, что таких реальных институтов, не считая Ассоциации, пока нет. Но как говорит заглавие книги, коренные народы после перестройки уже находятся на пути к самоопределению, а тут мне хочется задать такой вопрос – насколько в данной матрице отражено важное допущение – это то, что принятие решений в правовом государстве возможно на основании консенсуса? Мне кажется, нам до этого очень далеко, потому что во-первых, у нас права большинства пока везде доминируют, они прописаны во всех процедурах, хотя может быть, декларации о правах меньшинств и присутствуют. И мне хочется спросить – есть ли у нас вообще на территориях где-нибудь такая модель взаимоотношений? Единственное место, где я ее практически наблюдала, это Арктический Совет. Там организации коренных народов, не имея права непосредственного принятия решений путем голосования, тем не менее, имеют возможность постоянно принимать участие практически во всех процедурах – обсуждения, изменения и утверждения проектов, то есть практического результата деятельности Совета. У арктических народов там есть представительство на самом высоком уровне, таком же как государства, и голос там их явно слышен. Поэтому я думаю, что эта теоретическая модель может распространяться на, например, Арктический Совет, но вряд ли, на Россию. И тогда возникает вопрос, насколько выводы на основании этой модели соответствуют действительности? Ну, вот все, спасибо!

Р.В.Суляндзига:

Спасибо за выступления! Мы сейчас уже будем завершать Круглый стол и я хотел бы предоставить слово Харючи Сергею Николаевичу заключительного выступления. Пожалуйста!

С.Н.Харючи:

Уважаемые коллеги!

Ну, во-первых, модель, про которую говорила Тамара Юрьевна (Семенова), она конечно, прекрасна, но на сегодняшний день на том уровне, на котором она имеется, это уровень Арктического Совета. К большому сожалению, у нас еще чиновничество к этому ни психологически, ни как не подготовлено. Даже в тех случаях, когда этого требует закон, согласительная процедура обязательного участия институтов самоуправления коренных народов, даже тогда они не всегда должным образом выполняют эту обязанность. Но к этому мы должны тоже стремиться. Мы же понимаем, что не сегодняшним днем живем и все вопросы, которые сегодня ставим, в том числе на данном Круглом столе, мы все выстраиваем на долгую перспективу, на будущее и постепенно, я думаю, по крупицам тоже когда-то добьемся. Или добьются наши с вами последователи, которые вслед за нами будут этими проблемами заниматься.

Что касается в целом вопросов, которые мы сегодня обсуждали на Круглом столе: ну, во-первых, в последние годы чем больше мы с вами говорим о данной проблематике, которая существует в нашем обществе, тем больше внимания обращается в первую очередь, представителей научной сферы. И это конечно же надо приветствовать, мы этому очень даже рады. Появляются дополнительные наши помощники, которые могут научно аргументированно все наши желания - народов, ведущих традиционный образ жизни. Но к большому сожалению, как опять-таки бывает и в этом случае часто бывает у нас в Российской Федерации, особенно сегодня, когда на дворе рыночная экономика, находятся всегда лихачи, которые очень ловко используют возможность зарабатывания денег на

данных вопросах. Вот был такой случай в прошлом году – у нас на Ямале особенно туда взоры все обращены, в первую очередь. Провели исследование о состоянии здоровья народов, коренных малочисленных народов. Кочевое население, но видимо, не до конца продумали или додумали. Сделали исследование и результаты исследования направили главе администрации района, главе района. И соответственно резюме: надо срочно принимать меры, закладываете деньги – мы готовы эту работу взять на себя, чтобы выполнить за год, два, три, я не знаю, не помню. Соответственно солидная сумма была обнаружена. Когда этот документ или продукт был изучен, нами же чиновниками, местными экспертами, обнаружилось, что если бы это было действительно так, то половина представителей коренных народов должны были бы уже дважды помереть, минимум половина. А остальные вроде бы как должны полуживые, полумертвые существовать. Конечно же, были вынуждены дополнительно опять затраты понести – пригласить другую команду, которая абсолютно объективную оценку дала такому положению дел. То есть нам бы что хотелось, чтобы те исследования, которые проводятся на территории данных народов проходили и являлись не только продуктом научных исследований, но и носили прикладной характер, использовались конкретно на практике для деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и общественными организациями.

Пожалуй, вот это-то и есть самая главная задача, которую мы хотели бы видеть. Но вот как остеречь нас всех от вот таких людей, лихачей, которые встречаются к большому сожалению на практике. Наверное, возможно все же мы должны общими усилиями таких наших соотечественников выявлять каким-то образом. Я не знаю, той группе людей среди ученых, которые провели такое исследование, мы взяли на карандаш и выяснили, кто где работает, или какое научное учреждение представляет. Но понятно, неприятностей было много, во всяком случае они в черном списке Ямало-Ненецкого автономного округа. Больше мы с ними никаких дел не будем иметь и соответственно эту информацию мы распространили соответствующим образом. То есть понятно, в этом учреждении не все вероятно такие, но таким образом эти горе-исследователи подставили своих коллег. Ну это уже внутренние их проблемы, пусть сами с ними разбираются. И далее мы для себя определили, что так будет со всеми научными учреждениями, представители которых берутся за исследования на нашей территории.

Далее по все остальным вопросам, которые касаются наших проблем. Понятно, мы общественная организация, мы ими занимались, занимаемся, и будем заниматься. Но как вы понимаете, всякая проблема не только требует озвучивания при исследованиях, но главным образом, разрешения. А на это требуются как всегда деньги. И конечно же нам, у нас наше право только представлять, выходить с предложениями в официальные органы государственной власти и местного самоуправления, не более того, и этим привлекать спонсоров. Что тоже не в полной мере будет разрешать существующую проблему. Ну вот скажем, помните, мы проводили на территории Ямало-Ненецкого округа в Тазовском районе и в Корякском автономном округе определение мест расположения святынь и национальных захоронений коренных малочисленных народов. Работа была очень важна, интересная и нужная. И она была очень добросовестно выполнена – ассоциация при помощи автономного округа издала брошюру, мы ее разослали во все субъекты РФ, большинство муниципальных образований, через наших лидеров. Ну и что вы думаете? Я очень сомневаюсь, чтобы аналогичные карты расположения святынь были составлены в других регионах, и даже в моем родном ЯНАО, как не было движения, так и нет. Особенно в округе я буквально на днях дал интервью по этому поводу – ведь мы реализуем эти проекты не для того, чтобы нам отчитаться перед общественностью и зарубежными нашими спонсорами. Главным образом, чтобы показать нашим соотечественникам как можно и нужно делать. И надо заложить незначительные бюджеты, чтобы на территориях проживания коренных народов были составлены такие карты, ведь весь Север наш российский, вся Сибирь и Дальний Восток – это сплошные

месторождения полезных ископаемых, куда рано или поздно придут промышленные компании, сегодня приходят они на Ямал, а на Ямале нет ни карты национальных святынь, хотя там памятников культурного наследия множество! Мега-проект «Урал промышленный – Урал полярный» - тоже нет, по Уральскому району тоже нет. Железная дорога пойдет в восточном направлении от Салехарда через Красноселькупский и Дудинский районы на территорию Таймыра, далее в восточном направлении, через север республики Саха-Якутия, Магадан, Чукотка и далее. Готовы на этих территориях? Нет, конечно, хотя мы, казалось бы, очень широкую информационную работу провели, чтобы эта информация стала доступна для всех, в том числе и ученых. Вот к большому сожалению, иногда не нужно искать на стороне врагов, а это обычные наши российское разгильдяйство и недобросовестность. Я об этом говорил и говорю, но видимо, одного меня не хватает, даже председателя Государственной думы на своей территории Ямало-Ненецкого округа. Здесь должна быть активная позиция самой общественной организации. Я уверен, если бы наши региональные общественные ассоциации постоянно поднимали эти вопросы перед властью субъектов РФ, органов местного самоуправления, давно бы заложили и деньги, и проведена была бы работа. Поэтому это не должна быть работа только руководителей общественной организации на российском уровне, это должно быть желание всех.

И поверьте, сейчас начнется промышленное освоение, вот карты, которые Ольга Ануфриевна (Мурашко) показывала, в советское время были такие карты, я хорошо это знаю, но когда сократились до минимума эти хозяйства, образовались новые образования, общины коренных народов, соответственно, сложились новые маршруты. То есть тоже бы надо проводить и делать эту работу. Но мы не готовы сегодня – просто так на пальцах промышленникам не объяснишь, благо что они с губернатором отношения выстраивают и прислушиваются к нам, к депутатскому корпусу, но все это держится на человеческом факторе. Намного легче бы было, если бы на картах были обозначены маршруты кочевий, карты святынь бы были, и национальных захоронений – все это бы было просто: сказал бы, вот тебе, Тамара Юрьевна, карта, когда будешь проводить промышленные операции будь добра оставить все это в том же состоянии. Внутри своего коллектива проводите, пожалуйста, воспитательную работу, чтобы никто никак не воздействовал и тем более не занимался бы браконьерством. Так ведь? Все можно по-человечески выстраивать, но когда Тамара Юрьевна не знает об этих вещах, как мы потом можем с нее спросить за те безобразия, которые встречаются на тех же святынях и на захоронениях? Вот в чем беда-то. На этой же карте можно было бы обозначить все нерестовые реки, места гнездовой редких птиц, животных, вся эта информация, когда человек ей обладает, невольно сам не захочешь отступить шаг влево и вправо. Поэтому многие вещи просто по нашей халатности так и получаются, а потом мы начинаем визжать и выстраивать этих промышленников, ругать всеми нехорошими словами, но все коллективы нормальные, и все разумные люди – я работал в этих коллективах и знаю, что бывают конечно, единицы – как говорится, в семье не без урода, а потом пятно ложится на весь коллектив, но и этого разгильдяя можно было бы привести к порядку, если бы всей этой информацией обладала власть. И в первую очередь, местное самоуправление...

И поэтому, то, что вчера нам на парламентских слушаниях говорили - правительство не поддерживает наш законопроект, который инициирует наш профильный Комитет, это абсолютно правильно, потому что они не знают предмета спора и разговора. Буквально недавно у нас был господин Гордеев, министр сельского хозяйства, когда он живьем увидел этого оленя нашего северного, побыл в стаде и в чуме, и на празднике, когда ему показали продукцию переработки этого благородного животного, когда угостился нашим северным наркотиком – свежемороженым муксуном, и увидел еще запасы выловленной рыбы, у него моментом изменилось отношение к северным вопросам и образу жизни аборигенов, и первые даже два вопроса он разрешил, в том числе страховку северных животных, дал сертификаты четырем хозяйствам на племенную работу, и поклялся, что

закон о северном оленеводстве обязательно будет инициировать и продвигать. Мы уже 15 лет все кричим, что дайте нам этот закон, нужен закон, мы-то знаем, о чем идет разговор и чего мы хотим, но чиновники, наши соотечественники, этого не знают, тот же господин Журавский, я уж не знаю, после Пуровского района насколько он изменил свое мнение, но по-моему он не изменился, этот друг неисправимый, особенно если это касается всего нерусского, что есть в нашей Российской Федерации. Видимо, вопросы национальных отношений будут еще долго, в том числе и сепаратизм, и национализм, и шовинизм, и бритоголовые, и скинхеды. Это не мое даже личное мнение, хотя и мое мнение абсолютно такое же. Все, кто соприкасался с этим уважаемым чиновником (видимо, уважаемый, если до сих пор работает) так думают. А ассоциация коренных народов для него как бельмо в глазу, одно упоминание об этой организации у него вызывает определенные эмоции.

Поэтому уважаемые коллеги, мы в любом случае не должны сдаваться, а должны работать. Многие мои коллеги мне говорили, что вот ты уже 20 лет кричишь, что аборигены исчезают и умирают, а они все живут и живут. И даже на ВДНХ выставки организуют. Но если бы мы не кричали, всего этого не было бы, и о нас забыли бы или нас затоптали бы! А у нас есть единомышленники, и в первую очередь, среди нашей отечественной науки, среди североведов, поэтому мы с вами начнем продвигаться понемногу, по шагу, по полшага, но вперед. Все же мы хорошо с вами помним, что 15-20 лет назад, когда мы заговорили во весь мир, могли бы мы представить, что появятся аж целых 3 профильных закона на государственном уровне? Наверное, в самом сладком сне нам не могло бы такое присниться, а если считать федеральное законодательство, где в 60 законах обозначены проблемы коренных народов Севера, если приплюсовать сюда региональное законодательство, местные нормативные акты, то жить можно. Но мы как всегда хотим больше и лучше. Это точно как на днях у нас проходил праздник рыболовов и ершика ловили, мне задали этот вопрос – вам нравится рыбалка, я говорю – мне такая рыбалка не нравится, я хочу сразу много, больше и, желательно, слабосоленой рыбы муксун (смех в зале). Удачи вам!

Р.В.Суляндзига:

Ну, видимо, на этой оптимистической ноте мы завершаем эту встречу, и насколько я знаю, остались подарки, которые мы хотели бы вручить от имени Ассоциации Институту наследия и Тамаре Семеновой как организатору этого семинара, которая также много лет отдала работе в Ассоциации. Эти книги - «Энциклопедия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» и еще одна биографическая книга – о нашем лидере Сергее Николаевиче Харючи – «Прокладывающий тропу».

П.М.Шульгин:

Спасибо, уважаемые коллеги! Этот семинар, который мы проводим с Ассоциацией, завершился пожеланиями ее лидера Сергея Николаевича (Харючи), а нам остается только постараться выполнить те указы, которые он в своей заключительной речи нам высказал. Мы стараемся работать в том духе, как Дмитрий Николаевич Лихачев завещал нашему Институту - в тесном контакте с провинцией и с регионами. И надо сказать, что совместная работа, несомненно, продвигает общее дело вперед! Спасибо за ваше участие!